

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Фамилия, имя и отчество Симкин Григорий Яковлевич
Военное звание Младший лейтенант
Должность, часть Командир партизанской группы
Представляется к "Ордену Ленина"
1. Год рождения 1918 2. Национальность Еврей
3. С какого времени состоит 1937 и. ВЛКСМ

ЛЕВ СИМКИН

СОЛДАТЫ

ВОЗМЕЗДИЯ

ОХОТА НА НАЦИСТСКИХ ПАЛАЧЕЙ

«Эту книгу читать больно,
местами – страшно, порой –
невыносимо, но и оторваться
от нее невозможно».

АЛЕКСАНДРА МАРИНИНА

История с Львом Симкиным

Лев Симкин

**Солдаты возмездия. Охота
на нацистских палачей**

«ЭКСМО»

2025

УДК 343.95:94
ББК 67.5:63.3

Симкин Л. С.

Солдаты возмездия. Охота на нацистских палачей /
Л. С. Симкин — «Эксмо», 2025 — (История с Львом Симкиным)

ISBN 978-5-04-244768-6

Лев Симкин, известный писатель, автор пяти исторических книг о жертвах и палачах Холокоста, собрал доселе малоизвестные и зачастую неудобные истории. В этой книге описаны случаи, когда злодеев постигло возмездие, осуществленное руками их жертв, мстителей за Холокост, возложивших на себя миссию судей и одновременно палачей. Абба Ковнер, руководитель подполья в вильнюсском гетто, создал организацию партизан-мстителей для расправы с затаившимися в Европе эсэсовцами и строил планы коллективной мести немцам, в том числе отравление водопроводов в крупных городах Германии, по счастью, не удавшееся. Григорий Герчик, советский диверсант, совершивший за Великую Отечественную войну восемь успешных рейдов за линию фронта, после безуспешной попытки привлечь к ответу убийцу своих родителей прилюдно разрядил в него свой маузер. Партизаны братья Бельские беспощадно расправлялись с нацистскими пособниками, а порой и с их семьями. Благодаря этой книге вы узнаете о подвигах, деяниях и судьбе этих людей во время и после войны. Книга адресована всем, кому интересно, как все было на самом деле. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 343.95:94
ББК 67.5:63.3

ISBN 978-5-04-244768-6

© Симкин Л. С., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Жестоковейшие	7
Глава 1	10
Два консула (короткое отступление)	13
«Все дороги ведут в Понары»	14
Оружие	18
В шахматы с дьяволом	21
Смерть командира	24
В партизанах	26
Летом 44-го	31
«Белоповязочник» (короткое отступление)	37
Люблин	39
Бухарест, 26 апреля 1945 года	41
«Энигма». Короткое отступление	44
Вместе с Еврейской бригадой	45
На север	51
Провал «Плана А»	52
Нюрнберг	56
«План Б»	58
Другая жизнь	63
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Лев Симкин
Солдаты возмездия
Охота на нацистских палачей

© Симкин Л. С., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

*И славы блеск, и мрак изгнания,
И светлых мыслей красота,
И миценье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.
А. С. Пушкин*

Жестоковыйные

«Господь сказал Моисею: скажи сынам Израилевым – вы народ жестоковыйный». Жестоковыйный – относится к тем словам, которые означают вовсе не то, что на первый взгляд кажется. Жестоковыйный – это не жестокий, а непослушный, непокорный, своевольный. В основе жестоковости, – написано у Брокгауза, – лежит образ упряжного животного, которое не сгибает выю (шею) и не дает надеть на себя упряжь. И еще, возможно, добавил бы я от себя, – не прощающий того, кто пытается лишить его жизни и свободы.

В течение многих столетий еврейский народ жил на чужбине и подвергался унижениям. Жил стиснув зубы. В каком-то смысле («подставь другую щеку») евреи стали большими христианами, чем сами христиане. Но были и другие примеры. Вторая мировая война продемонстрировала не одну лишь покорность евреев – и их героизм, не уступавший древнему, времен восстания Маккавеев и Иудейской войны.

«Я не знал еврея, который не был бы одержим мстостью», – говорил Ицхак Цукерман, один из лидеров восстания в Варшавском гетто, выведший через канализацию оставшихся в живых бойцов. Он имел в виду, понятно, тех, кому удалось дожить до конца мировой войны. Во всей Европе их оставалось не более трех четвертей миллиона – недобитых узников концлагерей и обитателей гетто, выходцев из еврейских партизанских отрядов. Можно представить, что они чувствовали, зная, что за Холокост никто так и не был наказан. Именно за Холокост – величайшее преступление в истории человечества. Не наказан по приговору суда.

Адольфа Эйхмана будут судить спустя годы – за то, что под его приглядом были убиты миллионы людей, и Ицхак Цукерман станет свидетельствовать на том процессе. Но это потом, а тогда, сразу после войны ни Нюрнбергский трибунал, ни национальные суды, рассматривая дела нацистов, никак не выделяли это беспримерное злодеяние, составлявшее неотъемлемую суть нацизма. И законы, действовавшие в то время, не были приспособлены, не было и судей, способных призвать за него к ответу.

Копаясь в поисках золота близ крематориев лагеря смерти Аушвиц-Биркенау, мародеры нередко натыкались на фляжки или бутылки, внутри которых были рукописи на непонятном языке. В одной из них, принадлежащей греческому еврею Марселю Наджари, были такие слова: «Я не о том жалею, что умираю, а о том, что не смогу отомстить так, как я этого хочу и как могу...» Он был одним из членов «еврейской зондеркоманды», кого нацисты заставляли ассистировать себе в процессе массового, «промышленного» уничтожения евреев, и которые 7 октября 1944 года подняли восстание и уничтожили один из крематориев. И на тот случай, если он умрет, не отомстив, Наджари перекладывал этот долг на других.

Эта книга – о людях, взваливших на себя ношу возмездия. Начинается она с рассказов об Абе Ковнере и Григории Герчике. Они были ровесниками, оба родились в 1918 году, в Восточной Европе, той ее части, которую историк Тимоти Снайдер окрестил, и не без оснований, кровавыми землями. Один из них был сионистом, другой – коммунистом. Аба Ковнер, руководитель подполья в Вильнюсском гетто, создал группу диверсантов-мстителей для расправы с затаившимися в Европе эсэсовцами и, кроме того, строил планы коллективной мести немцам, по счастью, неудавшиеся. Григорий Герчик, советский диверсант, совершивший за войну восемь (!) успешных рейдов за линию фронта, принадлежал к числу мстителей-одиночек – после безуспешной попытки привлечь к ответу убийцу его родителей прилюдно разрядил в него свой маузер.

Об Абе Ковнере у нас в стране долгое время вообще ничего не знали. Так, доходили какие-то слухи. Главный раввин России Адольф Шаевич говорил мне, что, услышав когда-то от одного из верующих рассказ о его подвигах, засомневался, как такое вообще было возможно. Правда, в самиздате в 70-е годы ходил перевод книги «Выкованные в ярости» (журнал «Евреи

в СССР»), написанной бывшим корреспондентом ВВС в Иерусалиме Майклом Элкинсом. Он открыл миру невероятное – существование организации евреев-мстителей, о которой узнал, встретившись в Израиле с Ковнером и несколькими из его соратников. Те, однако, не слишком-то перед ним раскрылись. Майклу Коэну, двоюродному брату соратницы Ковнера Ружки Корчак, и историку Дине Порат, уже в нашем веке, когда еще были живы одиннадцать мстителей, удалось в большей степени их разговорить, а Витка Кемпнер, вдова Аббы Ковнера, передала Дине оставшуюся после его смерти папку с документами группы «Накам» («Мечь»). До русскоязычного читателя книги Майкла Коэна и Дины Порат не дошли, как и опубликованные в 1998 году воспоминания ковнеровского соратника Иосифа Хармаца.

Что же касается Григория Герчика, чье имя вовсе у нас не известно, а в мире – тем более, то его краткую биографию я обнаружил в материалах сайта «Еврейские сельскохозяйственные колонии Юга Украины и Крыма», собранных Яковом Пасиком из Канады. Уроженцем одной из этих колоний, той же, что и Герчик, был Аркадий Вайспапир, герой Собибора, с которым мне посчастливилось встретиться и услышать из первых уст рассказ о восстании в лагере смерти.

Связь с Собибором обозначилась еще раз, когда я узнал, что автор первой, изданной в 1964 году книги о его героях «Возвращение нежелательно», писатель Валентин Томин (Тальман) переписывался с Герчиком. Тот переслал ему страницы своих воспоминаний, написанных в 1977 году в Риге и в начале 1990-х набранных «на компе одним пальцем» в Калифорнии. Эта рукопись, все еще не опубликованная, хранится в архиве Российского центра «Холокост», руководитель которого Леонид Терушкин дал мне возможность с нею ознакомиться. Какие-то еще крупницы его жизни отражены в опубликованных донесениях и других документах прославленной войсковой части 9903, где служил Герчик, из обрывочных воспоминаний его командира Артура Спрогиса, сослуживцев и бойцов возглавляемой им диверсионной группы Михаила Гаврика, Аркадия Винницкого, Андрея Ждановича, Даниила Селиванова.

Даже странно, что столь удивительные судьбы прошли мимо общественного сознания, и стремление этих людей к справедливости и мести, отчасти реализованное, им никак не оторефлектировано. И это при том, что история Холокоста, казалось бы, всесторонне изучена. Между тем эта ее пропущенная страница сама по себе интересна еще и тем, что совсем не типична для современной истории. Разве что для истории древней или, скорее, для древних легенд. Мечь, в отличие от мировой литературы, в число главных сюжетов которой она по праву входит, в мировой истории встречается не так уж часто.

Так что я никак не мог пройти мимо этих двух судеб. Потом они обросли историями других мстителей, которыми тоже захотелось поделиться с читателем. В их числе Яков Мейдад, организовавший расправу над латвийским коллаборационистом Гербертом Цукурсом, партизаны братья Бельские. Последних часто поминают в прессе, особенно с тех пор, как внук двух спасенных ими людей – Джаред Кушнер – стал зятем Дональда Трампа. Тем не менее, немало малоизвестных подробностей я узнал из неопубликованных у нас воспоминаний одного из братьев и других материалов, любезно предоставленных мне Тamarой Вершицкой, создателем Музея еврейского сопротивления в белорусском Новогрудке.

Хотелось бы выразить глубокую благодарность всем названным мною людям, а также Юрию Домбровскому, Александру Кнопу и Раисе Фоминой, без помощи которых эта книга могла бы и не увидеть свет.

На страницах книги читатель встретится с поразительными совпадениями и пересечениями ее персонажей друг с другом и другими известными людьми. Такими, как неожиданная встреча в летнем Вильнюсе 1944 года Аббы Ковнера с танкистом Ионой Дегеном, автором лучшего, на мой взгляд, стихотворения о войне («Мой товарищ в смертельной агонии...»). А еще оказалось, что Освальд Руфайзен провел один зимний день того же 1944 года в партизанском лагере Бельских. Я уж не говорю о том, что Григорий Герчик был хорошо знаком с Аркадием Вайспапиром, как выяснилось после недавнего разговора с его сыном Вадимом.

В неменьшей степени взяться за эту тему меня подвигли события 7 октября 2023 года. Собственно, случившиеся в тот день зверства мало чем отличались от самых жестоких злодеяний нацистов, а в чем-то и превзошли их. Тысячи вторгшихся в Израиль террористов действовали согласно четкому распределению ролей – одни, боевики «Нухба», убивали (около 1200 жертв), перед этим насилуя, другие – бойцы «Бригад Изз ад-Дин аль-Кассам» похищали заложников (угнан 251 человек), третьи, представлявшие «Исламский джихад» и «мирных жителей Газы», грабили и жгли, снимая все это на мобильники. Это было самое массовое убийство евреев со времен Холокоста, после которого, правда, случались еврейские погромы (как в польском Кельце в 1946 году), но число их жертв не шло ни в какое сравнение с 7 октября. По словам историка Павла Поляна, в этот день случилась его, Холокоста, реинкарнация. Ответные действия со стороны евреев на этот раз не заставили себя ждать, хотя мир, как ни удивительно, не признал за ними права на возмездие.

... Тема Холокоста и возмездия за него волнует меня с малых лет, с момента, когда мне стало известно о гибели бабушки по отцовской линии от рук пособника-полицая. Правда, историческими изысканиями я занялся много позже, но они меня так затянули, что уже не смог остановиться. Если ты сюда погружаешься, все остальное кажется тебе куда менее актуальным. Особенно если ты относишься к поколению, родившемуся, можно сказать, в тени Катастрофы.

Погрузился я в эту бездну не сразу. Помимо исторических трудов, пришлось перелопатить тысячи страниц архивных уголовных дел, дабы хоть немного приблизиться к пониманию чувств жертв Холокоста и особенно тех из них, кто оказался способен на сопротивление своим мучителям («Полтора часа возмездия», «Собибор, послесловие»). Изучение документов военных лет помогло писать о гитлеровских карателях («Его повесили на Площади победы») и их пособниках («Коротким будет приговор»). Наконец, пришел черед рассказать о мстителях за Холокост, ничего не забывших и никому не простивших, поначалу бывших его жертвами, а потом натянувших на себя самодельную судебскую мантию, которая одновременно послужила мантией палача.

Герои моего нового повествования не относятся к тем «охотникам за нацистами», кто выслеживал тех для передачи в руки правосудия. Они сами брали на себя и суд, и рассуд, и исполнение приговора, всегда с единственной известной им мерой наказания – смертью. Смерть за смерть – только таким в их глазах могло быть возмездие.

И в каждом сердце, в мысли каждой —
Свой произвол и свой закон...
Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой...

(Из неоконченной поэмы Александра Блока «Возмездие»)

Глава 1

«Мы, молодая гвардия...»

Аба (Абба, Абель) Ковнер родился 14 марта 1918 года в семье торговца кожами Исраэля Ковнера в местечке Ошмяны в полусотне километров от Вильно, где будет учиться – сначала в гимназии, а потом – на факультете искусств Виленского университета. Правда, сам он на исходе жизни скажет, будто родился в Севастополе, и этот город выбит на его надгробном камне, но архивные данные свидетельствуют об ином. Впрочем, не исключено, что его родители в начале Гражданской войны покидали Ошмяны на время. А может, будучи поэтом, воображал себе собственное детство не в скучном местечке с его кожевенной мануфактурой, а на берегу Черного моря.

Уже в середине XVIII века в Ошмянах, находившихся на торговом пути в Великом княжестве Литовском, существовала крупная еврейская община с синагогой и кладбищем, остатки которого сохранились до наших дней. А уж Вильно, где в XVIII веке жил Виленский Гаон (Гений из Вильно) Элиягу бен Шломо Залман, и вовсе был духовным и интеллектуальным центром евреев северо-востока Европы, Северным Иерусалимом, с сотней синагог, самая большая из которых вмещала две тысячи прихожан. Здесь находилась Виленская иешива, куда стремились молодые люди со всего мира, желавшие изучать еврейскую традицию.

Аба Ковнер считал себя атеистом, но, как говорила его соратница Рахиль Марголис, «обеими ногами стоял в еврействе. Такие слова-понятия, как “нация”, “еврейские традиции”, “еврейский народ” были для него живыми, полными глубокого смысла». В социалистическом кибуце Эй-Хохореш, где он проведет последние три десятилетия своей жизни, о нем скажут: «Он хотел надеть на кибуц кипу».

В юности Ковнер увлекся сионизмом, основатели которого, как известно, от иудаизма дистанцировались. И одновременно – марксизмом. И то и другое исповедовало созданное в 1916 году молодежное движение «Хашомер хацаир» («Молодая гвардия»), к которому он примкнул. В 1939 году движение насчитывало по всему миру 70 тысяч человек. Это был некий аналог скаутских организаций, отличающийся от своего прообраза тем, что «хашомеры» в летних лагерях и кружках готовили еврейскую молодежь к переселению в землю обетованную, Страну евреев (так в дословном переводе на русский звучит Эрец-Исраэль), в то время называвшуюся Палестиной.

«Он носил длинные волосы и одевался как старшие члены “Хашомер Хацаир”, с воротником рубашки, выпущенным поверх пиджака, широкие брюки, заправленные в носки, а в последующие годы и в ботинки, – вспоминала его жена Витка Кемпнер. – На нем было синее пальто, застегнутое на все пуговицы, из тех, что назывались “сталинками”. Почему так? Да потому что “молодогвардейцы” готовились к тому, чтобы построить социализм на “исторической родине”». Так оно в конечном итоге и выйдет – во всяком случае те, кто туда доедут, со временем сыграют ключевую роль в создании кибуцев.

Группа членов «Хашомер хацаир» в Эрец-Исраэль

Начиная с 19 сентября 1939 года, когда туда вступила Красная армия, число «хашомеров» в городе Вильно стало пополняться молодыми сионистами, перебежавшими из оккупированных немцами территорий Польши. Из Вильнюса, в августе 1940 года ставшего столицей

Советской Литвы, можно было изловчиться уехать в Эрец-Исраэль – через Одессу в Турцию или по Транссибирской магистрали в Японию и оттуда в Шанхай. Само собой, это было непросто, требовались визы. Нескольким тысячам молодых людей удалось получить их благодаря двум человеколюбивым консулам.

Два консула (короткое отступление)

Ян Звартендейк торговал товарами фирмы «Филипс» и одновременно исполнял обязанности почетного консула Нидерландов, к тому моменту оккупированных Германией. Он уже начал было собираться к отъезду на родину, когда к нему обратились слушатели вильнюсской иешивы, сообразившие, что при советской власти ее закроют, и вообще скоро Северному Иерусалиму наступит конец. По их просьбе он внес в их паспорта запись, что для въезда в голландскую колонию Кюрасао въездная виза не требуется, умолчав про необходимость получения разрешения тамошнего губернатора. Прослышав об этом, его дом принялись атаковать успешные убежать от немцев польские евреи, оказавшиеся внезапно евреями советскими. Звартендейк проставил в их паспорта эти псевдовизы (всего больше двух тысяч), рискуя тем, что советская власть в любой момент прикроет лавочку.

Но что дальше? Каким образом можно было добраться до Кюрасао, расположенного в Карибском море? Внезапно оказалось, что можно получить японскую транзитную визу и выехать из СССР через Японию. Но только при условии покупки билетов на поезд ценой 400 долларов на человека, колоссальные по тем временам деньги – Советской стране была нужна валюта. Деньги счастливицам помогли собрать еврейские организации, а японские транзитные визы выдавал японский консул Тиунэ Сугихара. Когда у него кончились бланки, выписывал иероглифы от руки, торопился, поскольку иностранные дипломаты, пребывавшие в Литве, должны были срочно покинуть СССР. Никто из облагодетельствованных им до Кюрасао так и не добрался, осели временно в Шанхае, оттуда рассеялись по миру, их потомки живут сейчас в Америке и Израиле.

«Все дороги ведут в Понары»

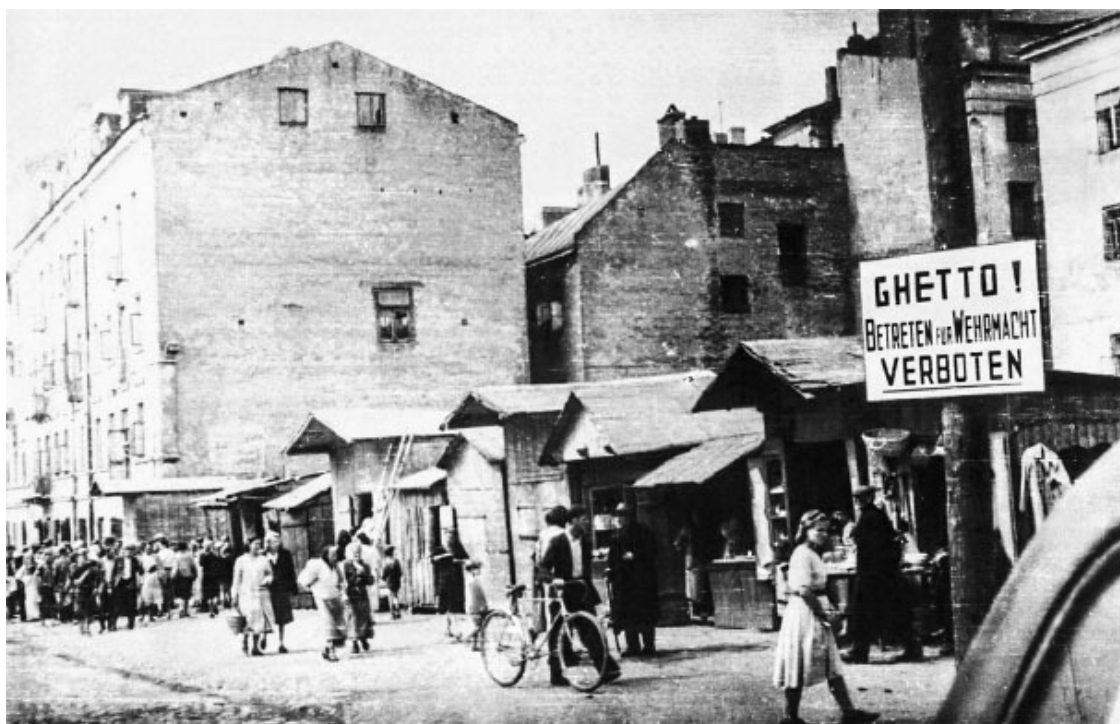
Аба Ковнер, став к тому моменту одним из лидеров «Хашомер хацаир», не мог бросить свою паству. Юные сионисты продолжали изучать иврит и готовить себя к строительству в Палестине социалистического общества, невзирая на то, как страна победившего социализма загоняла их в подполье. Правда, впоследствии Ковнер признавал, что этот опыт нелегальной деятельности ему пригодился. Как «пригодилась» высылка тем семи тысячам евреям, оказавшимся среди нескольких десятков тысяч литовцев, объявленных «врагами народа». В июне 1941 года, за неделю до германского вторжения, из Литвы стали высылать в Сибирь «социально опасных», и в их числе участников «Хашомера», особенно тех, кто подал заявление на выезд, но уехать не успел. Им повезло – оставшись, они неминуемо стали бы жертвами гитлеровцев. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

22 июня 1941 года многие вильнюсские евреи влились в колонны беженцев на восток, покуда не были остановлены бомбардировками. Тех же, кто ушли с главных дорог на проселочные, встретили вооруженные отряды литовцев.

«Очень многих выдают крестьяне, у которых измученные зноем беженцы просили крова или глоток воды, – вспоминала Ружка Корчак, подруга и соратница Аббы в своей книге “Пламя под пеплом”, к страницам которой я еще не раз буду обращаться. – Со злорадной ухмылкой хуторяне передают немцам “еврейских коммунистов” (по их понятиям, каждый еврей – коммунист)».

В Литве начали убивать евреев до прихода немцев, и по степени вовлеченности в Холокост ее жители опередили всю Европу. В отличие от других оккупированных стран, массовые казни евреев в Литве начались с первых же дней вторжения. Их жертвами стали 215 тысяч человек – 95 процентов довоенного еврейского населения.

7 сентября 1941 года евреи Вильнюса были заперты в двух тесных гетто – Большом и Малом, в так называемых «семи переулках». «Каждая улица – город», как говорил Ковнер. «В любой из комнатешек гетто живет по десять – пятнадцать душ, – рассказывала Ружка Корчак. – Люди спят в подвалах, на чердаках, на лестничных клетках. Дети, старики, совершенно чужие друг другу, случайные люди ютятся в одном помещении. В двух-, трехкомнатной квар – сбивается несколько десятков человек, по десять семей и более».

Гетто в Вильнюсе

Той осенью в Вильнюс — для спасения активистов-сионистов — приехала Ирена Адамович, активистка польского скаутского движения. Она привела Ковнера и его товарищей в расположенный недалеко от города доминиканский монастырь, окруженный высокой стеной с железными воротами. Это была небольшая обитель с девятью монахинями во главе с настоятельницей Анной Борковской, которую беглецы называли Има («мать» на иврите). Скоро в кельях их стало больше, чем тамошних законных обитательниц. Все они (15–20 человек) усердно трудились на монастырских полях, ходили за скотом. Ружка Ковнер вспоминает, как беспокоились, «чтобы не попался Аба с его еврейским носом», потому ходивший под монашеским капюшоном. Аба «очень плохо выглядел» — так в период нацистской оккупации поляки говорили о людях с выраженной семитской внешностью.

За стенами монастыря творилось нечто ужасное. Из «Большого гетто» и, в особенности, из «Малого», куда разместили тех, кого нацисты считали «негодными к труду», включая значительную часть вильнюсской интеллигенции, людей периодически куда-то увозили. Вскоре выяснилось, что увозили недалеко — на железнодорожную станцию Понары. Многие полагали, что их оттуда развозят поездами на работу. Но это было не так — в лесу за станцией людей расстреливали.

Аба оставил в гетто девушку, с которой они были вместе четыре года. Хадасса Каменицкая (ей был 21 год) отказалась оставить мать. Когда он узнал, что ее увезли в Понары, двое суток пролежал на скамейке в глубоком горе и долгое время после этого не брился.

Как в монастыре узнали о Понарах? Предоставлю слово самому Ковнеру. Сохранилась четырехчасовая запись его рассказа, сделанная знаменитым документалистом Клодом Ланцманом в сентябре 1979 года в кибуце Эй-Ха-Хореш, где жил Ковнер.

«В Виленском гетто была больница. В ней работали святые люди, чьей главной задачей было скрывать от немцев случаи эпидемий. Немцы, если бы они узнали о случаях заболевания тифом, они бы сразу уничтожили гетто. Однажды наш связной, работавший в этой больнице, сказал, что у них лежит раненая девочка, которая обязательно хочет со мной поговорить. Я встретился с этой девочкой. Ей было лет 11, она была в Понарах. И это было первое свидетельство от первого лица о том, что там происходит. Она не видела в Понарах барачков, улиц,

только рвы. Всех, привезенных с ней, расстреляли. Ее расстреливали вместе со всеми, но она, раненая, упала в ров и ночью оттуда выбралась, дошла до деревни, а оттуда в гетто в городе».

В самом гетто ходили слухи на этот счет – люди, жившие недалеко от Понар, рассказывали о слышной оттуда стрельбе, и что никому не разрешалось туда приближаться. У каждого внутри скопились вопросы, но не хватало духа задать их вслух. Аба Ковнер их, как нынче принято говорить, озвучил в своем воззвании, написанном в монастыре и прочитанном в холодную новогоднюю ночь 1942 года в Виленском гетто, под доносившиеся из расположенной по ту сторону ворот Церкви Всех Святых звуки органа.

«Где они, те сотни мужчин, которые были уведены литовцами для отправки на работу? – вопрошало воззвание. – Где они, те женщины и дети, которых полуголыми увезли от нас в ту страшную ночь первой резни? Куда делись все евреи, увиденные из синагог в день Йом Кипур?»

И это были не риторические вопросы, они требовали ответа.

«Из восьмидесяти тысяч виленских евреев уцелело всего двадцать. На наших глазах увели наших родителей, братьев, сестер... Всякий, кто был выведен за ворота гетто, больше не возвращался. Все дороги ведут в Понары. А Понары – это не лагерь... Понары – это смерть!»

Был в его воззвании и ответ на вопрос, что же делать.

«Не пойдем, как овцы, на убой! Да, мы слабы и беззащитны, но единственный ответ врагу – это сопротивление! Братья! Лучше пасть в бою как свободные люди, чем жить по милости убийц».

И было еще одно – сделанное им умозаключение, на тот момент вовсе не очевидное. Ковнер первым понял, что за массовыми убийствами в Понарах стоит план уничтожения всего еврейского народа.

«Гитлер стремится уничтожить всех евреев Европы. Евреи Литвы должны, по его замыслу, стать первыми в очереди». Как Аба пришел к этому выводу?

«Мог ли я написать это воззвание, если бы жил в гетто, а не в укрытии? Я часто об этом думал после войны. Чтобы увидеть всю картину происходившей катастрофы, нужна была перспектива. У меня не было перспективы времени, но была перспектива места, дистанция... Еврей всегда знал, что ответ на преследования – побег. Никогда раньше не было такого, чтобы преследуемый еврей не мог взять свой посох и бежать в другую страну. Первый раз в еврейской истории побег не поможет. Бежать некуда! Ни в географическом смысле – в другую страну, ни в духовном – сменить веру, принять христианство».

Когда Аба зачитал свое воззвание в гетто – в маленькой комнате, куда набилось 20 человек молодежи – «первая часть не вызвала никаких вопросов. Все были согласны, что Понары – это кладбище виленского еврейства. Все, кто не здесь, лежат там. Вторую часть молодежь – со всей страстью юности – тоже восприняла: надо сопротивляться». Пусть даже они не были к борьбе подготовлены, ведь, как сказал после чтения воззвания один из активистов «Хашомер», «вся наша жизнь, все наше воспитание до сих пор были посвящены только одному – воссоединению с землей наших предков Эрец-Исраэль».

Сомнения у присутствующих вызвала та часть воззвания, где говорилось о гитлеровском плане убить всех евреев. Тем более, в те же дни от прибывшей в Вильнюс подпольщицы из Варшавского гетто они узнали, что там все иначе: гетто существует уже два года, в нем полмиллиона евреев, есть голод, болезни, но нет массовых убийств.

Да, в Понарах убивают, но это местная инициатива садистов из оккупационных властей, – говорили одни. Это месть за сотрудничество с Советами, – полагали другие. К слову, отмечу, что среди активно сотрудничавших с Советами не было недостатка и в этнических литовцах, тогда как процент евреев в аппарате новой власти был относительно невелик – в отличие от их высокой доли в 34-тысячной толпе депортируемых в Сибирь в июне 1941 года «буржуазных националистов».

«Я не мог принять той мысли, что происходящее в Вильно касается только Вильно, не мог понять логику этого. Я не мог себе представить, что немцы могут устроить такое только в качестве мести за сотрудничество с Советами. И я вспомнил, что еще перед оккупацией прочитал *Mein Kampf*, и понял, что написанное там – это план, и этот план сейчас приводится в действие».

Надо было избавить людей от иллюзий. Тем более они сознательно поддерживались немцами и прислуживающим им юденратом. «Еврейская молодежь, не доверяй тем, кто тебя обманывает!»

«Никто из нас, – писала Ружка Корчак, – не осмелился сказать это». Остальные, присутствовавшие на встрече, позже рассказали, что эта мысль просачивалась в их сознание по капле.

После встречи Ковнер остался в гетто и покинул его только через два года, уйдя в лес, чтобы присоединиться к партизанам. Копии воззвания, написанного им на идише и переведенного на иврит, польский и литовский языки, были переданы в десятки других гетто Восточной Европы.

Оружие

В том же январе 1942 года в гетто была создана «Объединенная партизанская организация» (ФПО – «Ферейнигте партизанер организации»), объединившая и коммунистов, и сионистов, и бундовцев. Подпольщики решили назвать себя партизанами, но воевать в гетто, а не в лесах, где на тот момент никаких партизан еще не было. Да и в самом Вильно другого подполья тоже еще не существовало. «Мы хотели воевать в лесах, – вспоминала Хина Боровская, – а Ковнер хотел воевать в гетто. Поэтому мы решили сначала попробовать гетто, а если увидим, что это не работает, то пойдем в лес».

Командиром ФПО стал коммунист Ицхак Виттенберг, а Ковнер – его фактическим заместителем. Благодаря тому, что подполье возглавил коммунист, вскоре удалось установить контакт с Москвой. Летом 1942 года оттуда было поручено активизировать сбор разведывательных данных о передвижениях войск, но нужного им оружия даже не обещали. Ковнер попробовал было получить его от подчинявшейся польскому правительству в изгнании Армии Крайовой, но там ФПО посчитали коммунистическим подпольем и отказали.

Аба Ковнер

Через несколько недель после возвращения в гетто Абу Ковнера вызвал еврейский полицейский, стоявший у ворот гетто с голубой нарукавной повязкой. К нему пришла настоятельница монастыря со спрятанными под одеждой тремя ручными гранатами. Ему она сказала, что хочет присоединиться к евреям, «потому что Бог теперь в гетто». Аба убедил ее вернуться в монастырь.

(Через год Анну Борковскую арестуют нацисты по подозрению в связях с подпольем, а монастырь закроют. После войны она сообщит руководству доминиканского ордена, что больше не будет служить Богу, который повел себя таким образом по отношению к людям. В 1984 году 84-летнюю одинокую женщину отыщут в Варшаве спасенные ею люди, ее и еще

шесть монахинь удостоят звания Праведник народов мира, и Аба Ковнер посадит в ее честь дерево на Аллее Праведников в Иерусалиме.)

У подпольщиков поначалу был один-единственный пистолет. Оставалось научиться им пользоваться. Мало кто имел хоть какие-нибудь познания в военном деле. Но, к счастью, обнаружился склад, куда немцы свезли найденные ими в городе советские книги. Помимо бесчисленных томов основоположников марксизма-ленинизма, там пылились стопки брошюр в серых обложках, изданных комиссариатом обороны для командного состава – об устройстве мин, ремонте оружия, пользовании гранатами.

Постепенно подпольщикам удалось собрать несколько десятков пистолетов, винтовок и ручных гранат. Кое-что перепало из оружия, оставленного при отступлении красноармейцами, что-то – купили у литовцев или украли у немцев. Его проносили в гетто через канализацию, в разобранном виде, и часто оно оказывалось не годным к употреблению – не хватало деталей: то пистолетных бойков, то запалов гранат. Барух Гольдштейн, работавший на германских оружейных складах, организовал в гетто подпольные мастерские. Своими руками начали готовить бутылки с зажигательной смесью.

Часть оружия прятали в библиотеке. «Иудейская война» Иосифа Флавия сторожила подступ к пулемету Дегтярева. Это было символично – автор «Иудейской войны» был не только человеком, открывшим миру уникальную историю еврейского народа, но и участником той войны, бывшей не чем иным, как восстанием против римлян.

8 июля 1942 года подпольщики совершили первую диверсию на железной дороге. Место для нее заблаговременно выбрала Витка Кемпнер, будущая жена Абы Ковнера. На рассвете она, с перекрашенными в светлый цвет волосами, вышла из гетто с группой евреев, направляющихся на работу, на улице от них отделилась и уже без желтой звезды ступила с проезжей части на тротуар, по которому евреям ходить воспрещалось. Несколькими днями позже с ее участием была заложена мина на железнодорожной ветке в семи километрах к юго-востоку от Вильнюса. Пригодились проштудированные членами ФПО брошюры, касавшиеся подрыва железнодорожных и шоссейных дорог.

Когда в гетто пришла весть: произошел взрыв, уничтожен немецкий эшелон, – по словам Ружки Корчак, «это был самый счастливый день в гетто». Виновных не нашли – немцы искали их среди работавших на железнодорожной станции вольных поляков, а что взрыв могли устроить бесправные узники гетто, им и в голову не могло прийти.

В шахматы с дьяволом

Период относительного затишья продолжался до лета 1943 года. Число жителей гетто оставалось почти неизменным – около 20 тысяч человек. Это во многом объяснялось тем, что три четверти гетто работали на немцев – тем самым увеличивались шансы на защиту его жителей от уничтожения. Это – с одной стороны. А с другой – росла военная мощь Германии, позволявшая продолжать убивать евреев.

«“Только работа нас спасет!” – гетто уверовало в этот лозунг и с головой ушло в работу, подстегиваемое могучим желанием выжить, – пишет Ружка Корчак. – Возникают мастерские и даже целые фабрики, и это – невзирая на невероятные трудности, почти без сырья и станков. И все-таки всюду заметен прогресс благодаря неукротимой энергии, инициативе и знаниям еврейских инженеров. Работают слесарные, столярные, портняжные мастерские, фабрика керамики, выпускаются пасты, мыло, варенье, плетеные и кожаные изделия. Все необходимые производству станки были сконструированы еврейскими инженерами».

Производство развивалось во многом благодаря Якобу Генсу, бывшему офицеру литовской армии, назначенному Францем Мурером, заместителем гебитскомиссара Вильно и уполномоченным по еврейским делам, на должность начальника еврейской полиции, а в последующем – еще и председателем юденрата.

Он следил за тем, чтобы не допустить эпидемий, и это при том, что санитарно-технические сооружения самого старого района Вильнюса, в котором располагалось гетто, были ветхими и перегруженными. Были построены две общественные бани, и никто не мог получить хлебную карточку без справки о том, что он посещал их. Еврейская полиция наказывала тех, кто выбрасывал мусор в общественных местах и не поддерживал чистоту в своих комнатах. Лазарет работал круглосуточно, лекарства и витамины производились в самом гетто. Четыре открытые кухни раздавали бесплатные обеды нуждающимся. Были открыты дом престарелых, детские сады, две начальные школы и одна средняя, и, кроме того, музыкальная. Для рабочих, приходящих домой поздно вечером, проводились театральные представления и лекции, играл симфонический оркестр, выступали два хоровых коллектива, работала библиотека.

Была даже площадка для занятий спортом, с изображением схватки двух борцов на одной из окружавших ее стен в сопровождении лозунгов: «В здоровом теле – здоровый дух!» и «Посвящай досуг спорту!». Бруно Киттель, заменивший Мурера на его посту, однажды посетил состязания по легкой атлетике и выступил со словами, что знаком со всеми гетто на востоке и что ни в одном из них нет столько свобод, как в вильнюсском.

«Юденгетто» стало достопримечательностью, которую показывали высоким гостям из рейха, бывавшим в Вильнюсе проездом. В июле 1942 года 84 пожилых еврея увезли оттуда «на поправку» в летнюю колонию в Поспешках, где их в течение двух недель хорошо кормили для того, чтобы предьявить некоей важной иностранной делегации. После отъезда делегации стариков отправили в Понары.

При этом оккупационные власти не планировали специально создавать такое образцово-показательное гетто, как в чешском Терезине. То – построили, чтобы заморочить голову представителям Международного Красного Креста, которые и вправду приняли все показанное им за чистую монету. Им продемонстрировали школу, детский сад, театр и больницу, а после их отъезда Геббельс решил закрепить пропагандистский успех и сделать фильм под названием «Фюрер дарит евреям город». Съемки поручили Курту Геррону, известному актеру и режиссеру, другу Бертольта Брехта. После окончания съемок отснятый материал отправили на монтаж, а десять эшелонов с актерами и массовой – на смерть в Аушвиц. Курт Геррон с семьей попал в последний, одиннадцатый. Всего в лагерь смерти было депортировано 88 тысяч, еще 33 тысячи погибли в самом Терезиенштадте.

Надо сказать, еврейская полиция в вильнюсском гетто занималась отнюдь не только поддержанием порядка – она участвовала и в так называемых акциях. Возглавляемые Генсом полицейские, а в их число, как пишет Корчак, «набирали самых отпетых типов из местного преступного мира», вытаскивали стариков и больных из укрытий и помогали эсэсовцам отправлять их в Понары. Сам Генс говорил, что таким образом борется за выживание своего народа – жертвует старыми, чтобы спасти молодых. Когда немецкие власти потребовали от руководителей гетто составить список пятисот человек, обреченных на уничтожение, Генс выполнил это задание – мол, лучше пожертвовать некоторым числом людей, чем потерять всех.

«Акция прошла спокойно, – пишет Ружка Корчак. – И только одна девушка, родители которой давно уже были депортированы в Понары, отказалась бросить своего дедушку, бежала за ним, рыдая и умоляя, чтобы его отпустили, а когда поняла, что все напрасно, вернулась в квартиру, облила себя бензином и подожгла. Но в гетто тихо. На улицах уже не встретить старика, бредущего своей дорогой, опираясь на палку, или старушку, продающую сигареты на углу».

«Самым ужасным для меня и для любого, кто набирался мужества смотреть правде в глаза, было понимать, что любой обитатель гетто сегодня жив за счет другого еврея, который не прошел селекцию вчера», – признавался самому себе Ковнер. Сам себя таким образом он спасти не собирался.

«У нас была связь с “арийской стороной” – кругом либеральных литовцев, – вспоминал Аба. – ... Они предлагали найти убежище вне Вильнюса, где могут спрятаться уважаемые люди из гетто: мы дадим им список уважаемых людей” – писателей, людей искусства, политиков, – и они их спасут. И они были потрясены, и так нас до конца и не поняли, когда мы ответили отказом. Нашим литовским друзьям я ответил: “Господа, вы нам предлагаете, в сущности, сделать то самое, против чего мы восстаем: собственной рукой, на бумаге, провести селекцию, пусть и позитивную. Выбрать 20–30 человек, достойных остаться в живых. А жить достойны все!”».

23 октября 1942 года Генс по приказу гестапо послал 30 полицейских-евреев в местечко Ошмяны, в то самое, где родился Аба, где они забрали из тамошнего гетто 406 больных и стариков и передали их немцам и литовским полицейским для расстрела.

«Господа, я собрал вас, чтобы рассказать об одном из самых страшных моментов в трагической еврейской жизни – когда евреи ведут на смерть евреев», – с этих слов Генс начал свое выступление в юденрате после возвращения из Ошмян. Он пояснил, что от него потребовали отобрать 1500 ошмянцев, в первую очередь детей и многодетные семьи, но в результате переговоров в число обреченных вошли лишь старики и неизлечимо больные. «Ушли те, чьи дни и без того сочтены... Я обязан запачкать руки, так как сейчас еврейский народ переживает свое самое страшное время. Пяти миллионов уже нет. Наша задача спасти сильных и молодых – не только по возрасту, но и духом, а не разводить сантименты».

На чьей стороне правда – Генса или Ковнера, писавшего в своих комментариях к Уставу ФПО: «Наша позиция состоит в том, что жизнь КАЖДОГО еврея заслуживает защиты и не может быть отдана без сопротивления в руки палачей»?

Похоже, прав был Ковнер, понимавший, что надеяться не на что, тогда как вся стратегия Генса сводилась к установлению очередности смерти и управлению этой очередью.

«Играть или не играть в шахматы с дьяволом? – так ставит историк Павел Полян вопрос, смысл которого – что стратегически правильнее: боясь смерти, терпеть, унижаться и выторговать каждую еврейскую жизнь за счет еврейской смерти или, не боясь смерти, бороться за каждую жизнь с риском погибнуть в бою? – ... Переступив нравственный предел, человек обрекает себя на жизнь, утратившую главное – человеческие ценности, тогда как сам факт сопротивления возвращал всем и каждому достоинство, вселял надежду, возвышал их истерзанные души».

Яков Генс

И еще одна цитата, из Сергея Довлатова. «Что может быть ужасней смерти?! Ужасней смерти – трусость, малодушие и неминуемое вслед за этим – рабство».

Смерть командира

15 июля 1943 года Генс пригласил руководителей подполья к себе в кабинет. О том, что случилось дальше, расскажу при помощи выдержек из показаний Ковнера на суде над Эйхманом.

«Боковая дверь в кабинете Генса распахнулась, и вошли эсэсовцы, нацелив на нас автоматы. Они велели нам встать и спросили: “Кто из вас Виттенберг?” Никто не ответил. Тогда Генс указал на Виттенберга. На него надели наручники и вывели под дулами автоматов».

За ним пришли после того, как оккупанты схватили руководителей городского коммунистического подполья, и один из них под пытками назвал имя Виттенберга. По дороге боевики ФПО отбили своего командира, переодели в женское платье с платком на голове и спрятали в одном из кварталов гетто, готовые отбиваться до последнего, даже баррикаду начали возводить.

В ответ на это Генс объявил, что в случае его невыдачи гетто будет разбомблено с воздуха, а тех, кто останется в живых, будут утюжить танки. Той же ночью толпа принялась прочесывать гетто в поисках Виттенберга. Вокруг домов, где жили подпольщики, собрались женщины, кричавшие: «Убийца наших детей!», «Как ты смеешь приносить нас в жертву?».

«В безрассветную ночь шестнадцатого июля жалкая толпа готова сожрать тебя живьем», – это уже из стихотворения Абы Ковнера, посвященного Виттенбергу.

Подпольщикам, забаррикадовавшимся в мастерских, предстояло сделать выбор – выдать командира или поставить под удар все гетто. Виттенберг предложил покончить с собой. Но немцы требовали его живым. Было решено, что он должен сдаться. Виттенберг, прежде чем выйти, вручил Ковнеру свой револьвер. Он пошел в юденрат, после чего был выведен из гетто и сдан гитлеровцам.

«Виттенберг добровольно идет на смерть, – пишет Ружка Корчак. – Гетто облегченно вздыхает. ... И он идет с поднятой головой, не сгибаясь, вольный человек... Он, старый коммунист, испытанный боец за свободу и социализм, теперь идет принять смерть, как принимали ее его отцы и деды, взывая к Всеблагому».

«Никто точно не знает, кто принял решение сдаться, – пишет другой подпольщик, Иосиф Хармац. – Но если бы это решение не было принято, то, очевидно, евреи начали бы убивать друг друга задолго до того, как немцы пришли ликвидировать гетто: в гетто не было ни одного немца».

Иосиф к тому моменту по заданию подполья служил в еврейской полиции, куда ему удалось попасть благодаря тому, что он учился в гимназии вместе с дочерью Генса Адой. Как только Виттенберг скрылся, люди Генса схватили Хармаца вместе с еще семерыми полицейскими, поддерживавшими связи с ФПО, и отвезли в юденрат, где безжалостно избили дубинками. После того как Виттенберг сдался, все они предстали перед еврейским судом гетто и были уволены из полиции.

«Виттенберга, наверно, будут мучить, а потом убьют. Не знаю, сколько я сама буду жить, но за это я должна быть благодарна Виттенбергу. Сегодня он меня спас. Не только меня – маму, Миру, детей, тысячи матерей и детей...» Это из дневника литовской Анны Франк – Маши Рольникайте, попавшей в гетто в четырнадцать лет. Под названием «Я должна рассказать» он был в конце 60-х годов опубликован в СССР, где редко обнародовали свидетельства о Холокосте, и потому о нем знали едва ли не в каждой еврейской семье.

На следующий день после ареста Виттенберга нашли в тюремной камере мертвым. Обстоятельства его смерти точно не известны. По одним слухам, он отравился цианистым калием, который ему дал Генс, по другим – тот подмешал ему в питье цианид замедленного действия, по третьим – умер от пыток.

«В результате трагической ситуации, в которой мы очутились, командир организации Виттенберг предал себя в руки гестапо добровольно и с нашего согласия, – говорилось в принятом в тот же день решении штаба. – История, возможно, возложит вину на нас. Память о Виттенберге будет жить в нашем народе, а нам послужит навсегда примером высокого героизма. Его имя будет присвоено первой боевой группе ФПО, которая уходит в лес. Там, в бою с врагом, она отдаст последнюю почесть нашему командиру».

Спустя несколько месяцев в партизанском лесу будет начато расследование «дела Виттенберга», чтобы выяснить, как подполье могло сдать своего командира. Ковнеру передадут слова одного из партизанских кураторов в Москве – «всех виновных следует расстрелять». Но до этого, к счастью, не дойдет.

В партизанах

Вопрос об уходе в лес дебатировался подпольщиками все эти два года. Еще весной 1943 года Ковнер расценивал уход как всего лишь «попытку личного спасения». «Желание безотлагательно уйти в лес доказывает непонимание идей ФПО, – писал он. – После того как мы выполним свою задачу, мы возьмем с собой как можно больше евреев и прорвемся в лес, в место, откуда продолжим борьбу с палачами». Но летом, после ареста Виттенберга, ситуация изменилась. К тому же из уст в уста передавались сводки Совинформбюро о новом наступлении Красной армии, и многих охватило чувство нетерпеливого ожидания.

24 июля первая группа вооруженных членов ФПО, названная в честь Виттенберга «Львом», покинула гетто и ушла в Нарочанские леса к партизанам, которыми командовал Федор Марков. «В те дни в гетто как раз находились два его посланца, – пишет Ружка Корчак. – Мысль об уходе в леса – очень заманчива. Ведь она обещает новую жизнь, борьбу. И... нужно признать, что немалую роль играет вновь пробудившийся инстинкт самосохранения».

Почти половина ушедших погибли в первом же бою, попав в засаду, устроенную, как подозревали, не без участия еврейской полиции. Во всяком случае, руководители гетто решили использовать это происшествие в своих целях. Генс дал знать подпольщикам, что, если молодежь покинет гетто, останутся только старики, женщины и дети, и немцы их немедленно казнят. На следующий день эсэсовцы нагрянули в гетто с обысками, семьи ушедших бойцов были казнены вместе с руководителями бригад, где те работали.

1 сентября 1943 года в пять часов утра гетто было внезапно окружено. Вооруженные автоматами эсэсовцы в сопровождении эстонских полицейских двинулись по улицам. Выяснилось, что немцы собирались отобрать тысячи здоровых мужчин для работы в Эстонии. В панике люди бросились по укрытиям. В толпе пробегали связные подполья, выкрикивая пароль: «Лиза зовет!»

В составленном Ковнером боевом уставе ФПО говорилось: «Мобилизация будет проведена по паролю. Пароль – “Лиза зовет!”». Услыхав пароль, командир обязан немедленно от мобилизовать свое подразделение и первым прибыть на мобилизационный пункт». Организация состояла из маленьких ячеек (по 3–5 человек), каждая из которых не знала тех, кто входил в другую. «ФПО вступит в бой в случае угрозы существованию гетто», – говорилось в его же комментариях к уставу.

В тот же день Ковнер написал новое воззвание, раздававшееся на улицах. «Знайте: внутри стен гетто есть организованная еврейская сила, которая поднимется с оружием. Присоединяйтесь к нам в восстании!» Но призыв выйти на улицы и сражаться топорами и палками не был услышан. Подпольщики решили уходить в лес.

До сих пор все их усилия прилагались к тому, чтобы пронести оружие в гетто, теперь же следовало его вынести. Из ворот гетто по несколько раз на день увозят гробы с покойниками, в какие-то из них загрузили оружие. На кладбище заранее была вырыта «могила», откуда в ту же ночь бойцы ФПО достали припрятанное и взяли курс на лес.

Нескольким сотням членам ФПО удалось уйти через канализационные колодцы. «Я был одним из последних, кто спускался в канализацию вместе с Ружкой Корчак, а Аба Ковнер следовал за мной, – вспоминал Хармац. – Мы вошли в канализацию в самой старой части Вильно, где она была чрезвычайно узкая, диаметр труб едва достигал ширины наших тел, поэтому нам приходилось ползти на животе. День был очень дождливый, вонь была невыносимой. Часто те, кто были впереди, теряли сознание, задохнувшись от газов». После четырех дней ползания по канализации и пересечения по ночам полей и болот они добрались до леса, где встретились с партизанами.

Генс говорил, что как только конец гетто окажется близок, он будет сражаться плечом к плечу с молодежью. До конца гетто он не дожил. 14 сентября Генса вызвали в гестапо и в тот же день расстреляли. Он был заблаговременно предупрежден, что немцы заподозрили его в пособничестве подпольщикам. Генс, бывший литовский офицер, имел возможность укрыться среди литовцев, но не стал этого делать, побоявшись, что пострадают остальные.

24 сентября 1943 года часть узников отвезли в трудовые лагеря на территории Эстонии и Латвии, часть – в лагерь смерти Собибор, а оставшихся – женщин, детей и стариков загнали во дворы бывшей Биржи, где 6 тысяч человек пролежали под дождем и без еды и питья два дня и две ночи, а затем погрузили в вагоны и отвезли в Понары. Среди них была мать Абы, он так и не попрощался с ней и больше никогда ее не видел. Следом в гетто ворвались солдаты и начали грабить опустевшие квартиры и искать спрятавшихся. На Вильнюсском вокзале был вывешен плакат: «Вильно свободен от евреев».

... На торжественном построении с участием командиров партизанских отрядов бойцы-евреи принесли присягу. «Кому, как не вам, биться с фашистами, чтобы отомстить за пролитую кровь ваших братьев?» – сказал командир партизанской бригады Федор Марков, в будущем Герой Советского Союза, прославившийся благодаря удачному покушению на гебитскомиссара Вилейского округа генерала Йозефа фон Бека. Он предложил присвоить отряду, которым командовал Аба Ковнер, символическое название «Мечь».

Прятавшаяся в землянках и шалашах еврейская молодежь пошла записываться в отряд. Окрестные литовцы стали называть лес «Еврейским государством». Аба Ковнер разработал подробный план операции по разрушению моста на шоссе Гродно – Вильнюс, по которому двигались немецкие колонны. Группа партизан ворвалась на фабрику химикалий в местечке Олькеники и выкатила оттуда бочки с горючим, их на подводах доставили на базу. Следующей ночью к мосту отправился отряд под командованием Абы. Но мост обледел, пришлось скалывать снег и лед, раскладывать на бревна смолистые еловые ветки, после чего облитые бензином конструкции загорелись. Как только появилось пламя, прибыли немцы и открыли стрельбу, но партизаны под минометным огнем держались до тех пор, пока мост не начал разваливаться.

Слева – Витка Кемпнер, справа – Ружка Корчак

Евреи в лесу вынуждены были добывать себе оружие сами. Однажды небольшая группа во главе с Абой Ковнером, вооруженная кто настоящими, а кто – деревянными «ружьями», пришла ночью в первый попавшийся сельский дом. У хозяев потребовали сдать оружие. Несмотря на их уверения в том, что его нет и никогда не было, Аба приказал мужчинам выйти во двор, а женщинам было сказано, что их мужей и сыновей поставят к стенке, если оружие не найдется. Раздался выстрел (в воздух), после чего хозяйка выдала 4 винтовки.

«Мы превратились в грабителей со строгим этическим кодексом чести», – признавалась Витка Кемпнер. Он прежде всего относился к отъему еды. Партизаны договорились между собой, что не будут брать с собой больше, чем необходимо для выживания: никаких фруктов и овощей, никакого масла.

Хармац пишет, что обеспечение отряда продовольствием было более сложной задачей, нежели нападение на немцев. «Мы понесли больше потерь во время наших экспедиций за продовольствием, чем при подрыве поездов и мостов».

В лес с самолетов сбрасывалось оружие, распределявшееся по различным частям, но еврейские отряды часто обделяли. Однажды часть тюков отнесло в сторону, и группа еврейских бойцов, возвращавшихся с операции, наткнулась на несколько парашютов с оружием и взрывчаткой, зацепившихся и оставшихся висеть на деревьях. Аба Ковнер принял у них оружие, хотя и запретил впредь так поступать. Начальник особого отдела по фамилии Станкевич, узнав об этом, посадил Ковнера под арест, из-под которого его временно освободили для командования боевой операцией, а после возвращения хотели расстрелять, но Москва не утвердила приговор, Ковнера лишь сняли с должности командира отряда.

Иосиф Хармац

Еще раньше особый отдел партизанской бригады, выяснив, что в отряд взяли нескольких бывших еврейских полицейских, отдал их под расстрел. В то же время в особом отделе проигнорировали жалобу с требованием наказать партизана, который бахвалился тем, что убивал евреев, расценив это как просто «хулиганство». «Я уколошил уже десятки и сотни евреев и отправлю на тот свет еще. Двадцать два года ходил я в Союзе как слепой, но в немецком плену у меня открылись глаза».

Отношение к Ковнеру со стороны партизанского командования осложнялось еще и тем, что его, не скрывавшего свои сионистские взгляды, оно не могло считать «своим». И уже потому к нему относились с подозрением. В отличие от его товарища по подполью Иосифа Хармаца. К тому, как к коммунисту, обратился начальник партизанской разведки с вопросом, что там пишет Ковнер в своем блокноте. Его часто видели в лесу сидящим на пеньке и что-то пишущим. Писал он, понятно, стихи. Возможно, эти (перевод И. Ермакова).

... Когда вернусь – «Спаситель!» – закричат:
«На белом скакуне, при всем оружьи...»
Увы! Ни жеребца со мной, ни лат
крадусь в потемках – не было бы хуже!
Нырять под забор, как крот, бескрыл
я возвращаюсь к дому братьев, чтобы
сказать: «Я путь вам проторил —

тропинку жизни в мрачные чащобы».
И женщины мгновенно встанут в ряд,
в сиротство материнское одеты.
«Сыночек!» – вымолвят и враз заголосят.
Одна лишь мать безмолвна... Мама, где ты?
Как я устал! Ворота отворю —
и отдохну после лесной дороги,
с тобою, лес, мой брат, поговорю...
Но лес молчит – чужой, высокий, строгий.

Хармац по секрету поделился этим разговором с Виткой Кемпнер с тем, чтобы она попросила Абу заниматься собственным творчеством подальше от людских глаз.

Иосиф вступил в компартию в 16 лет, хотя сам принадлежал к богатой семье в литовском городе Рокишкис, его дед и отец торговали лесом. С приходом Красной армии их предприятия были национализированы. «В юности мы все находились под большим впечатлением от Советского Союза, – писал он в своих мемуарах, – мы любили советскую музыку, танцы. Мы не видели недостатков, не осознавали, как страдали наши родители. Хуже того, мы были к ним враждебны и даже критиковали их за то, что они были бизнесменами, – ведь это противоречило идеалам коммунизма». Его дед, отец и два брата не вышли из гетто.

Летом 44-го

Вильнюсское предместье Липувка – сюда из леса за православным кладбищем вышел партизанский отряд Абы Ковнера. По пути к освобожденному советскими войсками за день до того Вильнюсу их нагнала легковая машина. Водитель-красноармеец, выйдя, поинтересовался, кто они такие, обратив внимание на то, что партизаны между собой говорят на идиш, и попросил подождать, после чего вернулся к машине. Оттуда вышли генерал и мужчина средних лет в пальто и берете. Это были командующий 5-й армией, войска которой штурмовали Вильнюс, Николай Крылов, генерал и будущий маршал, и Илья Эренбург.

«Мы все кинулись к ним – ведь это было счастьем увидеть живого “наркома мести”, – вспоминала партизанка Рахиль Марголис. – Эренбург побеседовал с нашими и попросил Крылова сфотографировать его с еврейскими ребятами. Все хотели встать рядом с ним... После их отъезда мы еще обсуждали происшествие, но с кладбища стрелял немецкий миномет, и “обсуждение” прекратилось...» Фотографии вильнюсских партизан обошли весь мир – после того, как Илья Эренбург написал о них в «Правде».

Если партизаны называли Эренбурга «наркомом мести», значит, в лес доходили его статьи-листовки. И наверняка та, что была опубликована в газете «Красная звезда» 24 июля 1942 года: «Убей немца! Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя... Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобой немцев. Убей немца! – это просит старуха мать. Убей немца! – это молит тебя дитя. Убей немца! – это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!»

Не только Абе Ковнеру был известен Илья Эренбург, тот тоже слышал про Абу Ковнера – от поэта Авраама Суцкевера, накануне ликвидации гетто ушедшего в леса к партизанам и весной 1944 года отправленного военным самолетом в Москву. Послал самолет в литовские леса за Суцкевером председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР Юстас Палецкис – чиновник и поэт, переводивший его стихи с идиша на литовский.

Суцкевер вспоминал, что на Эренбурга произвел сильное впечатление его рассказ о трагедии литовского еврейства и о сопротивлении в гетто. После этой встречи тот написал рассказ «Смерть героя» – о гибели Ицхака Виттенберга. «Эренбург влюбился, – пишет Суцкевер, – в еврейских партизан-героев».

Ружка Корчак вспоминает о еще одной знаменательной встрече: «Здесь, возле моста на Бялой-Ваке год назад ночью, под проливным дождем проходили последние бойцы гетто, прорываясь в лес, а теперь тут стояла Витка в объятиях плачущего танкиста, солдата Красной армии, родом из Могилева. «Да, да, – плакал он и смеялся, – их бин ойх а ид. А ид!» («Да, да, я тоже еврей!»)

Илья Эренбург

Представьте, этот танкист был не кем иным, как Ионой Дегеном. Немногим позже, в декабре того же 1944 года он напишет бессмертные строки, которые долгое время будут переписывать и передавать устно как стихи неизвестного автора-фронтовика.

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит.

Участник боев за Вильнюс 19-летний Иона Деген, родом из Могилёва-Подольского, был не просто «солдатом Красной армии», а одним из советских танковых асов: его экипажем было уничтожено 12 немецких танков и 4 самоходных орудия. Ему тоже запомнилась встречи с еврейскими партизанами. В своей книге воспоминаний он пишет, как увидел рядом со своим танком мужчин в рваной одежде с красными повязками на рукавах, говорящих на идиш. С трудом подбирая слова полузабытого языка, он заговорил с ними. «Боже мой! Они чуть не разорвали меня на куски. Каждый хотел обнять меня. Каждый хотел пожать руку. Мало того, что он командир советского танка, так он еще “а ид”! Мои ребята достали бачок, и мы вместе с партизанами выпили трофейный спирт за встречу, за победу».

Но, может быть, то были другие партизаны? Нет, те самые. 20 лет спустя Деген тайно получил из Израиля книгу о суде над Эйхманом и на одной из опубликованных там фотографий увидел знакомое лицо командира еврейского партизанского отряда. Из подписи к ней узнал его имя – Аба Ковнер.

«Советские солдаты-евреи бродят по улицам в поисках соплеменников, – пишет Ружка Корчак. – Они тоже приходят к нам. Волнуются. Коверкая идиш, рассказывают, что прошли много местечек и городов и нигде не встретили живого еврея».

Откуда на улицах Вильнюса оказалось столько солдат-евреев? Возможно, то были бойцы литовской дивизии (в последующем – 16-й стрелковой), сформированной в начале 1942 года в Балахне на Волге. «В самый разгар войны с немцами Сталин дал приказ прочесать все уголки России и найти литовцев, чтоб создать национальную литовскую дивизию, – сказано в рассказе Эфраима Севелы “Моня Цацкес – знаменосец”. – Как ни старались военкоматы, кроме литовских евреев, бежавших от Гитлера, никого не смогли набрать. Пришлось довольствоваться этим материалом».

Ефим Драбкин (в будущем – Эфраим Севела), в 15-летнем возрасте ставший «сыном полка» в этой самой дивизии, знал, о чем пишет, хотя и немного преувеличивал – евреев в ней было 34 процента, тоже немало. В Литовской партизанской бригаде процент евреев еще больше, что ставило ее штаб в трудное положение при представлении партизан к боевым наградам – в наградные списки евреев старались включать поменьше. Ковнер этим возмутился и на глазах у членов штаба порвал представление его самого к ордену.

Иона Деген

Сразу после прихода в Вильнюс Ковнер вместе с вернувшимися из лесов членами «Хашомер Хацаир» отправился в Понары, второе по величине массовое захоронение в Европе – после Бабьего Яра. Год спустя, в 1945 году, на этом месте возведут памятник расстрелянным в Понарах евреям, на собранные оставшимися в живых деньги. В начале 1950-х, в разгар борьбы с космополитами его снесут, а в начале 1960-х – возведут вновь, с указанием о погибших здесь советских гражданах. К тому моменту убийства нацистами евреев стали представлять как злодеяние против всех советских граждан.

Ничего этого, понятно, Ковнер с товарищами увидеть не могли, в Понарах их ждали разрытые братские могилы с нагромождением трупов, присыпанных известью. Весной 1944 года, перед отступлением, нацисты хотели уничтожить следы массовых убийств, но не завершили начатое по не зависящим от них причинам.

Об одной из этих причин я узнал из мемуаров Хармаца, а тот, в свою очередь, из рассказа Мотла Зейделя. Тот был в числе отобранных немцами в гетто мужчин, которые должны были

выкопать трупы расстрелянных в Понарах и сжечь их. Им сказали, что этих людей убили русские, но никто в это не поверил. «Время от времени, – рассказывал он, – мы находили документы, и однажды один из нас наткнулся на документы своей жены и детей». В яме, где работал Мотл, по его подсчетам, было около 22 тысяч тел – примерно пятая часть от всех убитых в Понарах, 70 тысяч из которых были евреями.

На воротах рабочего лагеря в Понарах, куда определили рабочих из гетто, была надпись: «Вход строго воспрещен! Смертельно опасные мины». Как они позже обнаружили, пространство между двумя рядами колючей проволоки и вправду было заминировано. Бежать можно было лишь вырыв туннель прямо из барака. На это ушло около трех месяцев – днем они извлекали из земли и жгли трупы, ночью рыли туннель. Кто чем. Ложками. Или голыми руками. 32 метра в длину, 70 сантиметров в высоту и 60 сантиметров в ширину. В ночь на 15 апреля 1944 года 80 узников сумели проползти по туннелю и выйти наружу, где на них обрушился шквал пулеметного огня. И, тем не менее, 11 человек, и Мотл в их числе, добежали до партизанского леса.

Рассказу Зейделя можно доверять, в июне 2016 года израильские археологи в ходе раскопок обнаружили этот тоннель. А вот то, что рассказывается дальше о дальнейших действиях беглецов в книге Хармаца, вряд ли могло иметь к ним отношение. Хармац сообщает, что «в соседней деревне Канюкай, где местные жители сотрудничали с немцами, эти новобранцы-партизаны, разгневанные увиденным в Понарах, сожгли все дома и убили всех жителей до единого, крича при расстреле: “Это за мою мать, это за моего отца, это за мою сестру”». На самом деле случившееся в деревне Канюкай произошло за три месяца до их побега, в январе 1944 года.

В книге Ружки Корчак этот эпизод упомянут, она пишет, что жители села сотрудничали с немцами, и потому штабом партизанской бригады была предпринята против них операция, в которой участвовали партизаны из разных отрядов, в том числе около сорока еврейских бойцов. «После ожесточенной схватки сопротивление сельчан было сломлено. Партизаны жгли дом за домом, от партизанских пуль погибло много крестьян, женщин и детей. Очень немногим удалось спастись. Село было стерто с лица земли... Многие из еврейских бойцов вернулись на базу потрясенными и подавленными». Германская пропаганда опубликовала фото развалин и тел убитых как доказательство «зверств красных бандитов», а партизаны, в свою очередь, распространили листовку с предупреждением, что всех сотрудничающих с врагом ждет такой же конец.

История расправы партизан над местными крестьянами (всего было убито 46 жителей деревни, в том числе дети) получила известность в середине нулевых. В 2008 году на допрос по поводу предполагаемого участия в убийствах жителей села в прокуратуру Литвы вызвали Фаню Бранцовскую, члена ФПО и соратницу Абы Ковнера, вместе с ним ушедшую из гетто в партизанский отряд. Бранцовская (ей было уже под девяносто) свое участие отрицала, и в итоге все закончилось ничем. Но, как говорится, осадок остался. К тому моменту в странах Балтии изменился нарратив освещения военных событий – возникла теория так называемого «двойного геноцида», фактически приравнивающая действия Красной армии и партизан к нацистам.

Фаня все послевоенные годы работала учителем, а уже будучи на пенсии, до столетнего возраста (она умерла в октябре 2024 года) водила экскурсии по Вильнюсу, где знала каждый камень. В городе, где до 1939 года евреи составляли добрую половину жителей, сохранилась напоминающая о них архитектура, взглянуть на которую изредка приезжают издалека их немногочисленные потомки. Едва ли не во всех старых восточноевропейских городах, какой ни возьми, – Прага, Львов, Краков – дело обстоит примерно так же. Здания-то остались, а их обитатели со всем своим этническим своеобразием исчезли, и в этом смысле названные города – памятники Холокоста в неменьшей степени, чем остатки лагерей смерти.

И еще, забыл сказать, Фаня помогала Илье Эренбургу в создании так и не вышедшей при советской власти «Черной книги», где были собраны документальные подтверждения пресле-

дования евреев на оккупированных территориях Советского Союза. Там есть и о Ковнере, и материалы, им самим собранные.

После возвращения из партизанского отряда Аба собирал документы, восстанавливал и систематизировал архивные материалы для Еврейского музея в Вильнюсе, тогда восстановленного и закрытого в 1949 году под предлогом реорганизации. Он и его товарищи пытались собрать все следы литовского Иерусалима – книги и бумаги, спрятанные в гетто.

Выступая в синагоге в еврейский Новый год, Ковнер прочитал вслух написанные им воззвания и куски из боевых приказов подпольщиков: «Мы их нашли здесь, среди пепла».

Ковнер встретился с вернувшимся из Москвы после освобождения Вильнюса Юстасом Палецкисом, просил помощи остаткам еврейского Вильно – в оформлении документов, возвращении жилья, создании общежитий для детей-сирот. Среди немногих выживших оказались те, кто после ликвидации гетто почти год прятался в канализационных трубах, в уверенности, что на поверхности нет уже ни одного еврея.

«Когда погибли 200 тысяч евреев, вся Литва пошла за их имуществом», – говорит литовская писательница Рута Ванагайте, автор нашумевшей в Литве книги «Наши». – «Боже мой, у меня от бабушки есть антикварная кровать и шкаф! Купила ли она их? После этого я не могу ходить в антикварные магазины. Любой литовец должен спросить: откуда у меня дома такие вещи? А золото? Один литовец, который работал в 7-м форде в Каунасе (где расстреливали евреев), после войны 10 лет работал зубным техником. Сколько наших бабушек и дедушек умерли с еврейскими зубами во рту?»

Что же должно было случиться с обычными людьми – не только в Литве, едва ли не во всей Восточной Европе, – чтобы они словно с цепи сорвались и бросились терзать своих же соседей с невесть откуда взявшимся энтузиазмом. С чего вдруг привычная для многих нелюбовь к евреям перешла все мыслимые и немыслимые пределы? Или же все намного проще, и антисемитизм явился лишь поводом для проявления в человеке звериного начала?

«Белоповязочник» (короткое отступление)

Расскажу об эпизоде, о котором я узнал из материалов архивного уголовного дела по обвинению Вацлава Климаса, рассмотренного военным трибуналом Прибалтийского военного округа 18 апреля 1951 года. И еще из видеоинтервью с ним, записанного 58 лет спустя, в апреле 2007 года, и хранящегося в Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне.

... На дисплее – пожилой человек в клетчатой рубашке, лысый, остроносый, с тонкими губами. Он у себя дома, лежит на диване и охотно отвечает на вопросы невидимого интервьюера, улыбается, время от времени почесывается. Разговор идет на литовском, рядом со мной у компьютера – переводчица, она уверяет, что переводить его совсем не трудно, ведь речь Климаса, по ее словам, незамысловата и выдает малообразованного человека, простого крестьянина. Из его дела мне уже известно, что он закончил три класса и происходит из крестьян-середняков.

22 июня 1941 года помнит хорошо, это было воскресенье, он пошел в церковь и от священника узнал о начале войны с немцами, потом началась бомбежка. На следующий день в соседнее имение вернулся сын его владельца-помещика Альгирдас Петронис, военный летчик, майор литовской армии. В середине июня вся семья Петронис была выслана в Сибирь, а ему каким-то образом удалось от депортации скрыться. Климасу передали, что Альгирдас хочет его видеть, и он, служивший в литовской армии в чине унтер-офицера, подчинился приказу старшего по званию.

На первом же допросе у следователя Климас показал, что 26 июня был принят Петронисом в «белоповстанческий отряд». В ходе вербовочной беседы он попытался получить взамен какую-то выгоду и с крестьянской хитрецей пожаловался «барину» на то, что у него недавно пала лошадь, и в ответ Петронис, не задумываясь, пообещал новую. Еще он поинтересовался, будет ли у членов отряда какая-то форма. Командир ответил, что у него нет ничего, кроме белых нарукавных повязок с надписью «Литовская военная академия», и такая повязка была немедленно Климасу выдана. Вместе с винтовкой, разумеется, куда ж без нее.

«Белоповязочники» – не только в их глуши, но и в Вильнюсе и Каунасе участников июньских событий тоже должны были распознавать друг друга по нарукавной белой повязке. Все это немного напоминало европейское средневековье (Литва – часть Европы все ж таки), а точнее Варфоломеевскую ночь, во время которой католики, громившие гугенотов, узнавали друг друга по белым крестам на шляпах.

27 июня в составе отряда, взяв выданную ему винтовку, Климас отправился в Интурки (15 км от имения). Отряд арестовал тамошних евреев в количестве 120 человек, их доставили в Роша и, отделив мужчин от женщин, посадили в подвал. Ночевать Климас отправился домой, а вернувшись утром на службу, узнал, что их расстреляли. На следующий день Петронис выстроил отряд в шеренгу и спросил, кто желает принять участие в расстреле женщин и детей, все подняли руку, и Климас тоже. Но в расстреле не участвовал, он лишь копал яму и закапывал расстрелянных.

В последующих допросах Климас делился подробностями происшедшего – как приехали в Интурки, собрали евреев, велели погрузить на подводы свое имущество и отвезли всех в имение Петрониса, а потом погнали туда же принадлежавших им лошадей и коров. Поскольку следствие вменило ему в качестве обвинения, заодно с изменой родине, присвоение чужого имущества, этому эпизоду при допросах уделялось самое пристальное внимание, едва ли не большее, чем соучастию в убийствах. Сам Климас не отрицал, что примерно в те же дни у него появилась лошадь: «Имущество расстрелянных граждан складывалось в сарай, и кто хотел из белолитовцев, тот и брал оттуда различные еврейские вещи». Сам же он себе ничего не взял, только старую лошадь с упряжью, которую ему обещал Петронис. Лошадь держал в своем

хозяйстве, она пала в 1944 году. Видно, ему было немного стыдно – брать чужое нехорошо, аморально, а убивать можно.

Следующий эпизод уголовного дела – расстрел в Ионишках в начале июля. Климас на следствии и в суде рассказывал, как все они, «белоповязочники», на велосипедах отправились в Ионишки, как ходили там от дома к дому и арестовывали евреев, а потом заперли в школе, мужчин и женщин отдельно. Вначале, по уже привычному сценарию, на расстрел вывели мужчин, а потом женщин и детей. Расстреливали на берегу большого озера, летчик-пулеметчик Петронис не только командовал расстрелом, но и сам палил из пулемета, остальные – из винтовок. Климас стрелял вместе со всеми, сделал два-три выстрела, кого убил, не знает, «не смотрел».

На самом деле, очень даже смотрел, о чем разоткровенничался во взятом у него спустя полвека видеоинтервью. Не очень охотно, но все же ответил на прямой вопрос интервьюера, убил ли он кого-то – «да, убил пять человек». Сказал, что признается в этом впервые, на суде про то по понятным причинам умолчал. На вопрос, сожалеет ли о случившемся, ответил утвердительно, но, подумав, добавил, что, если бы и не стрелял, все равно ничего бы не изменилось, кто-то это сделал бы вместо него...

По приговору военного трибунала Климас был осужден к высшей мере наказания, но его помиловали и после двух месяцев в камере смертников отправили отбывать 25 лет лишения свободы, а спустя 9 лет досрочно освободили, благодаря «добросовестному труду на благо социалистической родины» – нормы на лесозаводе он выполнял на 140 процентов.

Люблин

Ковнер не сразу решил, что делать после освобождения. И что сказать немногим уцелевшим соратникам. Поначалу он раздумывал над тем, не призвать ли их вступить в Красную армию. Через три дня после освобождения Вильнюса Аба обратился к комбригу Литовской партизанской бригады Юргису с предложением забросить добровольцев из числа партизан-евреев на землю Германии для совершения диверсий. Предложение было отвергнуто. Тогда-то и возникла идея отъезда.

Некоторые из партизан к тому моменту получили престижную работу в новых органах власти, как, например, Иосиф Хармац, занявший руководящую должность в строительной организации одного из вновь образованных республиканских министерств. Тем не менее и он поддался уговорам Ковнера и к нему присоединился – по поддельным документам. Что уж говорить о других его соратниках – соприкоснувшихся с социализмом молодых людях и в нем разочаровавшихся, увидевших неприглядные стороны советской власти.

Правда, у отъезда Хармаца была еще одна причина, которой тот поделился незадолго до смерти с российским переводчиком Валерием Дымшицем, от кого мне она и стала известна. Девушка, с которой Иосиф тогда встречался, мечтала уехать в Палестину, и это обстоятельство сыграло решающую роль в его побеге. На вверенной ему новой властью персональной машине они нелегально пересекли польскую границу, после чего каждый пошел своей дорогой – она реализовала свою мечту, а он примкнул к мстителям.

Скорее всего, Ковнер с его свободным нравом, останься он в Вильнюсе, недолго пробыл бы на свободе. По некоторым сведениям, за ним и пришли, но опоздали – в тот же вечер он, переодетый в форму Войска Польского, сел в поезд, направлявшийся в Люблин.

Оттуда Аба и его товарищи отправились посмотреть расположенный недалеко Майданек и вернулись оттуда не менее потрясенными, чем из Понар. До того они мало что знали о лагерях смерти и системе массовых убийств. В числе наводнивших Люблин беженцев, наряду с бывшими обитателями гетто (прежде всего Варшавского и Вильнюсского), были и выжившие узники этих лагерей. После посещения Майданека литовскими партизанами стала овладевать идея мести, возмездия.

И не ими одними. Участник восстания в Варшавском гетто Кажик Ратхайзер рассказывал, как он и другие бойцы, бежавшие через канализацию, оказавшись в «арийской» части Варшавы, обсуждали, что будут делать после войны. Первое, что им тогда пришло в голову, была месть.

В Люблине идея мести особенно часто возникала в разговорах между виленскими и ровенскими евреями. Ковнер подружился с партизаном из Ровно Пашей Райхманом (в будущем – Ицхаком Авидовым). Польский коммунист, рабочий-текстильщик из Лодзи, будучи солдатом польской армии, принимал участие в обороне Варшавы, перебежал в СССР, в июле 1941 года оказался узником Ровенского гетто. Ему удалось оттуда сбежать и присоединиться к партизанскому отряду Дмитрия Медведева, в составе которого он пустил под откос 11 немецких воинских эшелонов и был награжден медалью «За отвагу».

Обе группы партизан, всего около полусотни – из Вильнюса и Ровно, в Люблине поселились на пятом этаже дома по улице Вышинского, жили своего рода коммуной, спали на двухъярусных кроватях или же по двое в одной обычной. Заселение в одном доме объяснялось не только отсутствием средств, но и соображениями безопасности. Евреи боялись соседей-поляков. Созданный в августе 1944 года Комитет еврейской помощи рекомендовал им не собираться вместе и не разговаривать на улице на идише. Не помогло – за два года в Люблине польскими националистами было убито 118 евреев, в том числе Леон Фельдгендлер, глава под-

польа в Собиборе, вместе с другими восставшими оттуда сбежавший, но не сумевший дожить до конца войны.

Аба сразу включился в работу по помощи выжившим, нуждавшимся в еде и предметах первой необходимости. Помогли прибывшие в январе 1945 года беженцы из Ташкента, польские евреи, бежавшие в СССР в 1939–40 годах и сумевшие добраться до Средней Азии. «Азиаты», как их называли виленцы, во главе с Мордехаем Ройzmanом, научились нелегально пересекать границы, благодаря чему сумели наладить свой теневой бизнес. Они ездили обратно в Советский Союз, скупали там царские золотые рубли, а по возвращении перепродавали их на черном рынке. Этим ловким людям было предложено отдавать часть прибыли в общую пользу, а у тех, кто отказывался, партизаны ее «экспроприировали».

Тем не менее, долго это не могло продолжаться. Ковнеру, имевшему опыт жизни при советской власти, было ясно – границы стран, освобожденных Красной армией, наверняка будут закрыты. Польшу следовало покинуть прежде, чем война закончится.

«Бриха» (на иврите «побег») – так Аба назвал свой план, в дальнейшем давший начало целому движению под этим именем. Промежуточным пунктом по пути в Эрец-Исраэль была избрана Румыния, куда, как стало известно, прибыли представители еврейских властей в Палестине, чтобы помочь евреям, желающим туда перебраться.

Британские власти запрещали свободный въезд евреев в Палестину, опасаясь обострения этнических противоречий. О снисхождении к жертвам Холокоста никто и не думал. Квота составляла всего 15 тысяч иммигрантов в год, суда с нелегальными иммигрантами-евреями перехватывались, и пассажиров отправляли в лагерь для перемещенных лиц на Кипр. Несколько позже получила известность история беженцев – пассажиров парохода «Экзодус», захваченного англичанами в международных водах напротив сектора Газа. Пассажиры оказали сопротивление поднявшимся на борт солдатам, и те открыли по ним огонь – 217 человек получили ранения, трое погибли, оставшихся отправили обратно в Европу.

Перемещаться по Европе было непросто. Несколько членов группы сделали себе на предплечье татуировки, как у узников концлагерей – у тех не спрашивали документы и беспрепятственно давали разрешение на выезд из советской зоны и на возвращение в страны происхождения. Правда, татуировки оказались не вполне такими же, что вызвало подозрение у выживших узников.

В марте 1945 года Ковнер с товарищами отправились из Люблина в Бухарест. Путь им проложила Ружка Корчак, которая еще в декабре 1944 года смогла добраться оттуда в Палестину. Во-первых, для установления контактов с теми, кто помог бы организовать алию («восхождение на историческую родину»), и, во-вторых, чтобы рассказать о том, что произошло в Европе во время Холокоста. В то время там не так уж много было известно о трагедии европейских евреев. Ружка была едва ли не первой, кто рассказал о ней израильским лидерам, включая Хаима Вейцмана и Давида Бен-Гуриона, с которыми она встретилась в первые же недели после прибытия.

Ковнер хотел, чтобы они слышали историю Холокоста именно от нее: «Тебе поверят». Ружка не ограничилась устными рассказами, немедленно начав описывать историю Вильнюсского гетто и литовских партизан, ее книга «Пламя под пеплом» увидела свет в 1946 году.

Бухарест, 26 апреля 1945 года

Организация «Накам» (в переводе с иврита – «мечь», «Нокмим» – мстители) родилась в дни празднования Песаха, за пасхальным столом. «Это вышло само собой, – вспоминал Ицхак Авидов. – Мы сидели со стаканами, и вылетела эта идея, и вдруг она была уже не в воздухе, а на столе. Мы увидели, что эта идея объединяет нас всех. Все хотели отомстить».

Повторяя, как положено в Песах, известные им с детства рассказы об Исходе из Египта, где евреи больше двух веков были в рабстве, и о том, как Бог, чтобы освободить богоизбранный народ, послал на египтян десять казней, Аба и его друзья не могли не думать о божественном возмездии за Холокост. Ведь он превзошел все самое страшное, что случалось с их народом за всю его долгую историю. Не могли поверить в то, что убийство миллионов останется безнаказанным.

Возможно, кому-то на ум пришел 94 псалом Давида. «Бог мести». Бог мести, Господь, Бог мести, явись! Поднимись, Судья земли, воздай по заслугам высокомерным! Доколе нечестивым, Господи, доколе нечестивым ликовать? Он воздал им за беззаконие их и за злодейство их истребил их, истребил их Господь Бог наш».

И еще одна цитата, из другого, выдуманного псалма, а точнее, из романа «Псалом» Фридриха Горенштейна: «Ненависть как постоянное чувство слишком иссушает душу, но постоянная ненависть к немцу, к немецкому отныне должна была стать национальной чертой господнего народа, в предостережение иным историческим врагам, менее умелым».

Спокойно ждать, пока высшая сила вновь покажет пример ветхозаветной мести («Он отмстит за кровь рабов Своих и воздаст мщение врагам Своим») и покарает немецкий народ, они не желали и решили взять на себя эту миссию. «Не было никаких сомнений, что мы делаем то, что сделал бы сам Бог, если бы Он был», – говорил один из участников той встречи.

«Человек тогда берется вершить правосудие, когда он теряет веру, – полагает философ Сергей Пилецкий. – В своей жажде мести он больше не нуждается в авторитетах, он сам себе “высший судия” и, совершая акт мести, он сам себя чувствует и ангелом, и Богом в свой звездный час».

Что же касается Ковнера, то присущее ему мессианское начало вполне могло привести его к мысли, что он является орудием божественного возмездия. В той же степени, в какой до того взял для себя роль пророка, в своем манифесте предупредившего узников Вильнюсского гетто о приближении Катастрофы, а позже выведшего молодежь в партизанские леса. И, наконец, указавшего выжившим путь в Землю Израиля. Прежде чем направиться туда, следовало наказать виновников страшного бедствия, случившегося с его народом.

На пасхальном седере в Бухаресте всех его участников томило смутное нетерпение и ожидание чего-то такого, что даст им возможность жить. Что даст силы преодолеть чувство вины за то, что выжили. Все они были так молоды, но невозможно было после пережитого просто вернуться к повседневной жизни, не отомстив за содеянное с ними.

Ковнер предложил немыслимое – покарать столько же немцев, сколько погибло евреев. Сколько именно, им еще не было известно, – цифра 6 миллионов появилась позже. «Немцкий народ сам изгнал понятие личной вины, – сказал он. – Насколько я понимаю, невиновных немцев не существует». Его поддержали – рука каждого немца обгажена еврейской кровью, и потому каждый немец заслуживает смерти.

Планы возмездия строились совершенно безумные. Кто-то из присутствующих (неизвестно, кто именно) внес конкретное предложение – отравить питьевую воду в крупных городах Германии. Поначалу думали о Берлине, Гамбурге, Веймаре, Нюрнберге и Мюнхене, в конце концов остановились на двух последних. Запланировали внедрить своих людей на городские водопроводные станции – с тем, чтобы в один и тот же день совершить задуманное.

Представление о коллективной ответственности происходит из иудаизма, и вместе с идеей Воздаяния за злые дела перешло в христианство. Народ должен искоренить зло из своей среды, а если не делает этого – на нем лежит вина за нарушение Закона, и он подвергается наказанию.

Понятно, любые разговоры о коллективной вине того или иного народа противоречат современной морали. Вина может быть только индивидуальной, как и ответственность, по крайней мере, юридическая. Другое дело – вина политическая. Вина, но не ответственность. Ханна Арендт настаивала на разделении коллективной вины и коллективной ответственности. Возмездие, если оно коллективное, справедливым быть не может, – писал переживший Аушвиц Примо Леви в книге «Канувшие и спасенные». В смысле уголовного права виновны те, кто реально совершал преступления, ни один человек не может быть наказан за преступления, которых он не совершал.

Но на правый суд никто не рассчитывал. «Я понял, что мы никогда не добьемся справедливого суда от мира, – говорил Аба, – и что ни один суд не сделает ничего, чтобы показать народам мира, что еврейская кровь не может быть пролита без возмездия». До Нюрнбергского процесса оставался почти год. Да и на нем, и на последовавших за ним судах над двумя сотнями представителей нацистской элиты, конкретно за Холокост никто не будет наказан.

«Возмездие преследует каждого, но мало кого догоняет», – еще в позапрошлом веке замечено австрийской писательницей Марией фон Эбнер-Эшенбах.

Что же касается вины, то ее несут все граждане, участвовавшие в создании преступного государства и его существовании, вину за преступления, совершаемые от их имени. Гитлер пользовался поддержкой большей части народа – до определенного момента, во всяком случае.

Тем не менее, мало кто хотел это признавать. «Я еще не видел ни одного нациста, если не считать нескольких почти трогательно жалких марионеток – негодяев старой закалки, – писал Теодор Адорно в 1949 году Томасу Манну. – Они вытесняют из сознания свою причастность к нацизму». Между тем летом 1945 года в руки американской армии в Берлине попала картотека членов НСДАП, насчитывавшая 10,7 (!) миллионов нацистов.

«Механизм уничтожения евреев представлял собой замечательный срез населения Германии, в нем были представлены все профессии и все слои общества», – констатировал немецкий историк Рауль Хильберг.

Готовность немцев убивать своих сограждан была связана, конечно, и с «промыыванием мозгов», свою роль в котором сыграли и школы с университетами, и другие институты. Церковь не стала исключением. «10 ноября, в день рождения Лютера, горят синагоги Германии!» – так в 1938 году приветствовал «Хрустальную ночь» протестантский епископ Мартин Сасс, сразу после нее распространивший собрание антисемитских отрывков из произведений Лютера.

И, тем не менее, одной идеологической обработкой 60-миллионной нации не объяснить равнодушие германского общества, спокойно взиравшего на преследования, отъем имущества и депортацию соседей-евреев. «Политика нацистов оказалась успешной, потому что опиралась на глубоко укоренившиеся антиеврейские настроения, которые пронизывали все классы» – с этим выводом американского исследователя Холокоста Леви Гюнтера приходится согласиться.

«Когда я услышал, что существует атомная бомба, мне приснилось, что, если бы я мог сбросить ее на Германию, я бы это сделал», – признавался позже Ковнер. Тогда же он загорелся идеей отравления в крупных городах водопровода, которую, как признавался много лет спустя, любой нормальный человек счел бы сумасшедшей.

Откуда она взялась? Возможно, из популярного в 1920-е годы романа Бруно Ясенского «Я жгу Париж». В нем французскую столицу охватывает эпидемия, вызванная отравлением водопровода при помощи украденных из лаборатории бактерий чумы, после чего происходит пролетарская революция. Автор романа, польский и французский коммунист, переехав в

конце 20-х годов в СССР, стал любимцем советской власти, что, впрочем, не помешало ему в 1937 году закончить жизнь как «врагу народа» на полигоне Коммунарка.

«Энигма». Короткое отступление

Вряд ли «Нокмимам» было известно, что в ходе запланированной абвером операции «Атлас» немецкие и арабские коммандос должны были отравить систему водоснабжения Тель-Авива. Их, однако, схватили 6 октября 1944 года сразу после приземления на парашютах около Иерихона. Операция провалилась благодаря тому, что британцы в 1941 году расшифровали немецкий код трехроторной «Энигмы», который, как считалось, взломать невозможно. Правда, к февралю 1942 года немцы перешли на четырехроторную «Энигму», и стаи немецких подлодок снова стали уничтожать британские конвои. Новая «Энигма» попала в руки англичан в октябре того же года, когда их противолодочный корабль сумел вынудить подняться на поверхность одну из немецких подводных лодок. Но еще до того попытка заполучить одну из новых машин была сделана в ходе высадки англо-американского десанта в Дьепе 19 августа 1942 года.

Дьепская операция рассматривалась британским командованием как реванш за Дюнкерк, но имела и еще одну тайную цель: захватить четырехроторную «Энигму», которая вместе с кодовыми книгами, как полагали, находилась в располагавшемся в городе немецком штабе. Для их захвата был предназначен «Отряд Х», британский отряд коммандос, все 87 членов которого были еврейскими беженцами из Германии и Австрии, одержимыми желанием отомстить нацистам, уничтожившим их семьи. Но операция потерпела неудачу, союзники потерпели сокрушительное поражение, потеряв более половины десантников. Что же касается солдат «Отряда Х», то после полутора лет интенсивных тренировок в Уэльсе и Шотландии они были назначены в авангард вторгшихся в Европу союзных войск.

После окончания войны еврейские коммандос проявили себя в изобличении нацистских преступников. Рона Гилберта (настоящее имя Ганс Юлиус Гутман – все члены отряда взяли себе английские имена) поместили в психлечебницу, где пряталась группа эсэсовцев, изображавших из себя душевнобольных, и ему удалось разоблачить симулянтов. Фредди Грей (Манфред Ганс) допрашивал в лагере Альфреда Круппа и нескольких высокопоставленных нацистов и, услышав от них, будто лагеря смерти были выдумкой, заставил заключенного там же заместителя коменданта Освенцима Ганса Аумайера прочитать им лекцию о газовых камерах. А коменданта Освенцима Рудольфа Хесса допрашивал член «Отряда Х» Фред Джексон, мать которого погибла в этом лагере. Допрос дался ему тяжело, после он, по его словам, пил всю неделю. Полученные ими материалы были использованы на Нюрнбергском процессе.

Как легко заметить, реальные еврейские коммандос отличались от тех, что в фильме Квентина Тарантино «Бесславные ублюдки» на излете войны самым жестоким образом убивали нацистов, а в финале один из них вырезал свастику на лбу у гестаповца.

Вместе с Еврейской бригадой

По приезде литовских партизан Ковнер с товарищами встретились с эмиссарами из Эрец-Исраэль, и те пообещали помощь «Брихе». И помогли. На деньги, предоставленные американской еврейской организацией «Джойнт», нанимались суда, отправлявшиеся в Палестину, и, если им удавалось обойти британскую блокаду морских границ, тайно высаживали пассажиров на берег. Как выяснилось, румынский путь в Палестину был не самым удачным. Проще всего было отправиться туда с юга Италии.

Для поездки в Италию была еще одна причина. В Бухаресте им стало известно о существовании в британской армии Еврейской бригады, созданной в июле 1944 года и состоявшей из пяти тысяч еврейских солдат из Палестины под командованием бригадного генерала Леви Бенджамина, еврея канадского происхождения. В нее входило три пехотных батальона, артиллерийская батарея и несколько вспомогательных рот, состоявшие сплошь из добровольцев, — евреи Ишува не были гражданами британии и не подлежали призыву.

(Всего на фронтах Второй мировой войны сражались 1,4 миллиона евреев, в том числе 500 тысяч — в составе Советской армии, 550 тысяч — в американской. Но только 5 тысяч воевали под бело-голубым флагом со звездой Давида, по командам на иврите. Погиб каждый десятый.)

Они высадились в Италии в октябре и влились в 8-ю британскую армию. Вскоре в немецких войсках распространился слух, что против них в Италии воюет подразделение евреев, которое эсэсовцев в плен не берет. Насколько это правда, мне не известно, во всяком случае, обвинений такого рода не было выдвинуто, скорее всего, источник слуха — геббельсовская пропаганда. Когда по германскому радио сообщили о речи Черчилля об учреждении Еврейской бригады, слушателей предупредили, что в случае поражения рейха он намерен позволить евреям, как стае диких собак, напасть на немцев. Ничего подобного, понятно, не случилось.

Генерал Бенджамин

После капитуляции Германии бригада была расквартирована в городе Тарвизио на севере Италии. Из Бухареста туда отправили гонцов – четверых партизанских командиров во главе с Абой Ковнером. Они ехали через Венгрию и Австрию в переполненных поездах, иногда на вагонной крыше. В городе Граце, при пересечении границы между советским и британским секторами оккупации, произошла неприятная сцена, описанная Хармацем. «Мы шли по двое, я с Абой. Русские солдаты потребовали наши часы – русские всегда хотели часы. Нам пришлось их отдать. Когда они остались далеко позади, Аба повернулся и плюнул в их сторону. Хотя я был близким другом Абы, помню, что был шокирован и даже оскорблен его реакцией».

Читать такое неприятно, но сомневаться в правдивости рассказа нет оснований. Чем можно объяснить реакцию Ковнера на поведение солдат-отморозков, вызвавшую отторжение коммуниста Хармаца, понятно – его опытом жизни при советской власти. А что касается самого инцидента, то, вероятно, он в какой-то степени был обусловлен дефицитом этого товара в СССР. Запасы часов дореволюционного производства иссякли в Советской России во второй половине 1920-х годов, а продукция Первого Московского часового завода начала появляться лишь лет десять спустя, да и то это были почти сплошь карманные часы, наручных почти не было. Помню, как уже в конце 50-х годов перебирал несколько (четыре или пять, точно не

помню) так называемых трофейных часов, привезенных отцом с войны и все еще считавшихся ценностью (других ценных вещей у нас в семье попросту не было).

15 июля 1945 года партизаны приехали в Тарвизио, в место дислокации Еврейской бригады, где их тепло приняли. Ковнера пригласили на импровизированную трибуну, и он поведал присутствующим (у которых, по свидетельству одного из них, были слезы на глазах) историю гетто в Вильнюсе. Свою двухчасовую речь он закончил словами: «Будь проклят тот, кто не помнит, что они с нами сделали!»

Примерно о том же говорилось в двух из Тринадцати заповедей солдатам бригады, которым они поклялись подчиняться. «Помни о миллионах уничтоженных твоих братьев и сестер! Храни в поколениях ненависть к убийцам твоего народа!»

После – состоялась встреча в узком кругу командиров Еврейской бригады. Проходила она на русском языке. Ковнер предупреждал о возможности следующей войны, которая коснется и евреев ишува (собирательное название еврейского населения Эрец-Исраэль). Слушатели восприняли это сообщение с некоторым недоверием, к тому же неприятие у них вызвали его слова осуждения в адрес Советского Союза, ролью которого в войне они справедливо восхищались. Его даже отвели ненадолго в сторону и сказали: «Сдерживай себя».

Как вспоминал один из участников той встречи, «он пришел к нам с диким планом отравить целые города через систему водоснабжения. Мы оказались в затруднительном положении, поскольку такое предложение было несовместимо с нашими представлениями». Однако другие его предложения, по-видимому, были встречены с пониманием. Во всяком случае, около пятидесяти солдат бригады решили объединиться с партизанами для мести палачам-нацистам. Их всех приняли в «Накам», благодаря чему его состав увеличился вдвое, примерно столько же было в группе Ковнера.

Многих беспокоило, что они не отплатили немцам за смерть своих братьев. Бригада попала на фронт только в марте 1945 года, серьезного участия в боях принять не успела. Понятно, солдаты не могли не думать о мести. По словам раввина бригады Липшица, в бою все было просто: убить как можно больше немцев, а с окончанием войны стало непонятно, как отомстить за кровь миллионов евреев.

«Да, мы можем насчитать миллион еврейских солдат, сражавшихся во всех союзнических войсках, но... кончилась война, и час великой мести упущен». Это я процитировал роман «Возмужание», автор которого Ханох Бартов семнадцатилетним юношей стал солдатом Еврейской бригады.

Пребывая в Тарвизио, они многое узнали от выживших в лагерях евреев, которым некуда было идти, и нашедших приют в находившемся неподалеку, в Понтеббе, лагере для перемещенных лиц. Всех их – в количестве 15 тысяч человек – взяли на попечение солдаты бригады. Они откладывали и передавали им пятую часть своего продовольственного пайка. Выжившие просили солдат о двух вещах – отомстить немцам и помочь им поскорее добраться до Земли Израиля, чему препятствовали британские власти.

Всего из немецких концлагерей было освобождено от 150 до 250 тысяч евреев, которым некуда было возвращаться – в родных местах их не ждали. В большинстве своем они оказались в лагерях для перемещенных лиц, на практике остававшихся теми же концлагерями, с колючей проволокой и вышками с надзирателями.

Примерно столько же составил поток хлынувших на Запад еврейских беженцев из Польши, где летом 1945 года случилось несколько погромов, а год спустя, в июле 1946 года, в Кельце произошел самый кровавый – было убито сорок два еврея и еще около пятидесяти ранено.

... Солдаты бригады не могли скрыть своего отношения к немецким пленным – отправляли их очищать оскверненные синагоги, восстанавливать еврейское кладбище, запрещали ходить по тротуару, подвергали побоям, когда те по привычке приветствовали друг друга

нацистским приветствием. Впрочем, в этом не было ничего такого, чего бы не делали солдаты других частей союзников. Бывало, Впрочем, и похуже. Приведу два примера.

Американские пехотинцы стояли в стороне, когда 29 апреля 1945 года освобожденные заключенные в Дахау линчевали нескольких надзирателей, а после, под впечатлением от увиденных завалов трупов, по приказу офицера было расстреляно больше трехсот охранявших лагерь эсэсовцев, которые были предварительно отделены от солдат вермахта. Против него были выдвинуты обвинения, впоследствии отклоненные генералом Джорджем Паттоном.

«Я – еврей. Мои мать и отец погибли, и я поклялся, что если останусь в живых, то отомщу нацистам. Сейчас вы заплатите за то, что сделали». С этими словами, как пишут, в ноябре 1945 года польский коммунист Соломон Морель, начальник лагеря Светочловице, бывшего филиала Аушвица, сам бывший узник, обратился к заключенным, в основном этническим немцам – фольксдойче. Много позже, уже в 90-е годы польская прокуратура возложила на него ответственность за гибель полутора тысяч из них.

Тарвизио, расположенный на альпийском перевале на границе с Австрией, стал перевалочным пунктом так называемого «Монастырского маршрута». Католические священники, в основном францисканцы, помогали Организации бывших членов СС (Organization Der Ehemaligen SS-Angehörigen, сокращенно – ODESSA) переправлять беглецов из монастыря в монастырь в Италии, откуда те «крысиными тропами» разъезжались по всему миру, но чаще всего – в Латинскую Америку. Аргентина выдала тысячи виз бывшим офицерам СС и способствовала их трудоустройству в военном и промышленном секторах. По разным данным, речь идет о цифрах от 5 до 10 тысяч человек, включая Адольфа Эйхмана, въехавшего в Аргентину при помощи францисканцев по паспорту Рикардо Клемента, и палача Рижского гетто Эдуарда Рошмана, получившего аргентинское гражданство на имя Федерико Вегенера.

По соседству с бригадой располагалось разведывательное подразделение американской армии, в котором было немало евреев, согласившихся снабжать «Нокмимов» информацией о прячущихся нацистах. Они подсказали простой способ выявления эсэсовцев – по вытатуированной под мышкой группе крови.

Из Тарвизио литовские партизаны вместе с солдатами Еврейской бригады несколько раз выезжали в окрестные города. «Мы носили британскую форму, – пишет Хармац, – хотя если бы кто-нибудь заговорил с нами по-английски, мы бы не смогли найти слов. Целью этих разведывательных миссий был поиск сосредоточения офицеров СС в лагерях для военнопленных».

Главной задачей «Нокмимов» стал поиск нацистов, причастных к уничтожению евреев. Они сумели получить доступ к гестаповским архивам в Тарвизио, которые не успели сжечь при отступлении. В одном из госпиталей для военнопленных работал немецкий хирург, про которого стало известно, что он укрывает в своем госпитале эсэсовцев. От него на допросе узнали о живущей в Австрии, недалеко от границы, семейной паре – офицере гестапо и его жене, отвечавшей за конфискацию еврейского имущества в Северной Италии. Их нашли и, прежде чем уничтожить, заставили подготовить список всех известных им эсэсовцев с датами рождения, адресами, описаниями внешности.

Удалось установить связь с югославскими партизанами, от них поступила информация об офицерах СС, оставшихся неподалеку на юге Австрии. «Выехали, переодетые в форму военной полиции, вечером, – вспоминал Хаим Миллер. – Нашли этих и приказали ехать с нами на допрос. Вернулись в Италию и сказали, что они предстанут перед судом еврейских солдат. Суд продолжался полчаса. Прочли им приговор на основании полученных нами сведений. Они их не опровергли. Приговором был расстрел, и он был приведен в исполнение немедленно».

Помощь пришла и от выживших евреев. Каждый еврей, который был в гетто или лагере, навсегда сохранил в своей памяти образы тех мучителей, кого он знал. Всякий раз, когда он встречал знакомое лицо, стремился об этом кому-нибудь сообщить.

К ним приходили по ночам, под видом британской военной полиции (мстители надевали нарукавные повязки и пришивали к форме фальшивые знаки различия) или выдуманного ими секретного подразделения британской армии, обозначенного аббревиатурой TTG. Бумаги с нею еврейские солдаты предъявляли патрулям. На самом деле за этими буквами стояла фраза, на комбинации идиша и арабского означавшая «поцелуй меня в задницу». Одалживали на время или угоняли армейские джипы – это проще всего было сделать в британской зоне оккупации, поскольку там Еврейская бригада могла свободно передвигаться.

Обычно говорили, что пришли с тем, чтобы доставить на допрос «в военную комендатуру», – как правило, немцы подчинялись без сопротивления. Иногда выступали под видом сообщников. Родившемуся в Германии Мордехаю Гишону, который позднее станет одним из основателей израильской военной разведки, часто поручали задания такого рода. «Никто не мог меня заподозрить, – вспоминал он. – Я говорил на чистейшем берлинском диалекте. Просто стучал в конкретную дверь, чтобы передать от кого-то привет. В большинстве случаев люди откликались на свои настоящие имена».

Подозреваемого отвозили в заранее выбранное глухое место – в горы, лес или на берег озера и, удостоверившись, что найденный ими человек был именно тем, кого они искали (эсэсовская татуировка под мышкой и т. п.), на немецком языке оглашали приговор, который немедленно приводился в исполнение. Иногда на теле убитого оставляли записку, придавая произошедшему вид самоубийства. Кому-то предлагали выкупить свою жизнь, приведя их к любому другому разыскиваемому.

«Мы убивали молча и уходили, – рассказывал Майкл Элкинс. – А иной раз увозили их куда-нибудь и объясняли, что к чему. Где-нибудь в поле или на складе. Одни плакали и во всем сознавались. Другие угрожали. Третьи молили о пощаде. А некоторые ничего толком и сказать не могли. Если у этого человека гараж был, случалось, и туда отводили. Вербку на стропило, петлю на шею. Ставили его на крышу автомобиля, садились за руль и выезжали из гаража. А потом возвращались проверить, умер ли он».

Это я привел слова Майкла Элкинса, первым рассказавшего миру о «Нокмимах». Во время их встречи в Иерусалиме с Джоном Ле Карре, описанной в его книге «Голубиный туннель. Истории из моей жизни», он намекал на то, что сам принадлежал к их числу. – «Мы убивали молча и уходили». «Мы, я верно услышал? В каком смысле мы? Ты хочешь сказать, Майк, что и сам был среди мстителей? Или это обобщенное мы – мы, евреи, – и ты просто себя к ним причисляешь?» «В организацию входило пятьдесят человек, и это были люди из самых разных сфер: бизнесмены, духовные лица, поэты... А также журналисты», – добавляет Майк.

Больше никаких подтверждений причастности Элкинса я не обнаружил. И вообще неизвестно, насколько можно ему верить. Во всяком случае, Элкинс приводит в своей книге список казненных мстителями нацистов, среди которых есть те, кто явно не мог быть в их числе – Одило Глобочник, высший руководитель СС и полиции в Люблине (арестованный англичанами в мае 1945 года, покончил жизнь самоубийством – раскусил спрятанную во рту ампулу с цианидом), Ганс Ботман, отвечавший за газовые камеры в концлагере Хелмно (повесился в апреле 1946 года, находясь в британском заключении) Кристиан Вирт, комендант лагеря смерти Белжец (погиб в мае 1944 года во время стычки с югославскими партизанами).

Так что достоверно имена убитых мы не знаем, как и точное количество казненных мстителями нацистов. Израэль Карми, будущий начальник израильской военной полиции, предполагал, что около сотни. Мстители унесли их имена в могилу. В 2016 году, незадолго до смерти, 91-летний Хармац в интервью Associated Press сказал, что вся деятельность «Нокмимов» подчинялась призыву: «Убивайте немцев!» Сколько? «Как можно больше».

Достоверно известно об одной допущенной ими ошибке. Шимон Авидан, направленный в Европу для помощи нелегальной иммиграции евреев в Палестину и в августе 1945 года прикнувшийся к «Нокмимам» (в будущем крупный израильский военачальник), в течение долгого

времени – полутора десятилетий – полагал, что казнил Адольфа Эйхмана. Его информаторы выяснили, что брат Эйхмана дважды в месяц ездит в небольшую деревню между Линцем и Зальцбургом с сумкой продуктов и возвращается без нее. Жена палача тоже там бывала. В доме, который они посещали, жили четверо мужчин, выходившие оттуда только поодиночке и только в темное время суток. Фотографии Эйхмана достать не удалось, а имевшиеся описания подходили под внешность одного из четверых. Однажды ночью его оглушили ударом по голове, сунули в машину и отвезли в лес. На предъявленные обвинения там не отвечал, говоря лишь: «Вы мне ничего не сделаете». После поимки настоящего Эйхмана агентами Моссада в Аргентине в 1960 году Шимон Авидан, к тому моменту герой войны за независимость Израиля, признал: «Да, мы ошиблись, хотя это был, несомненно, нацист, пусть не особо важный».

Майор Еврейской бригады Михаэль Бен-Галь, в 1945 году от имени «Хаганы» санкционировавший казни нацистов, впоследствии, уже будучи генералом, сомневался в используемых мстителями методах, объясняя их тем, что «в характере еврейского народа вообще много партизанского, и в характере людей “Хаганы”, прибывших из Палестины, тоже было немало партизанщины».

Марсель Тобиас, почти вся семья которого была убита немцами, служил последовательно в австрийской, затем британской армии, а между ними – во французском Иностранном легионе. Во время боев с армией Роммеля в Северной Африке убил в драке сержанта, обозвавшего его «грязным евреем», был разжалован и сидел в тюрьме, а потом снова воевал и однажды проехал сквозь немецкую колонну за рулем несущегося на полной скорости грузовика, чтобы спасти отрезанный взвод. Много позже погиб в небе Заира, где тренировал парашютистов, – на двухтысячном прыжке у него не раскрылся парашют.

На север

Солдаты мечтали о том, как они пройдут маршем по улицам Берлина под своим флагом – белым полотнищем с двумя голубыми полосами, золотой Звездой Давида и надписью «Еврейская бригада». Но этого не случилось, из Тарвизио их отправили в Бельгию и Нидерланды, подальше от немцев. Британцы, не раз получавшие от немцев жалобы на исчезновение родственников, в конце концов, кажется, поняли, чем солдаты из Палестины занимались по ночам на севере Италии. И, главное, командованию стало ясно, что они переправляли на юг и далее в Палестину евреев, выживших в концлагерях, чего британцам совсем не хотелось.

После окончания войны деятельность созданной Ковнером организации «Бриха» возглавили посланные в Европу представители ишува. Но без помощи Еврейской бригады поначалу они мало что могли бы сделать. У нее был военный транспорт для доставки беженцев до средиземноморских портов, откуда сотрудники «Моссада» организовывали их нелегальную доставку в Палестину.

Так что Германию Еврейская бригада увидела лишь с борта тысячи грузовиков, на которых 27 июля 1945 года, через двенадцать дней после прибытия Ковнера, покинула Италию. Солдаты развесили на своих машинах баннеры: «Иерусалим-Берлин» и «Евреи идут». И хотя им было приказано проявлять сдержанность, при приближении колонны пленных эсэсовцев многие стали бросать камни и пустые консервные банки, так что пришлось остановить колонну. По-видимому, такой реакции способствовало посещение по пути концлагеря Маутхаузен со следами массовых убийств – того самого, где был замучен генерал Дмитрий Карбышев.

Упомянувшийся выше Ханох Бартов в романе «Возмужание» откровенно описывает свои тогдашние чувства. «Я собственноручно обязан одного убить. Хладнокровно. И изнасиловать одну. Хладнокровно. А потом уж на все наплевать. ... Мы здесь для того, чтобы отомстить за кровь. Дикой еврейской мстью... Все мы, прекраснодушные пай-мальчики, гимназисты... – все мы войдем в один германский город и сожжем его, улицу за улицей, дом за домом, немца за немцем. Почему только мы должны помнить Освенцим? – пусть они тоже запомнят уничтоженный нами город». Правда, в реальности ничего подобного не происходит. Когда герою романа – альтер эго автора – показывают дом жены офицера СС, он препятствует насилию над ней со стороны британских солдат.

А вот еще один характерный описанный им эпизод по пути бригады на север: «Промышленный городок карабкался по горе, извилистые улицы... Мы пели "Хевену шалом алахем". Раздобыли ящик с конфетами и бросали их всем прохожим. Мне было только девятнадцать лет, и все еще было впереди».

Этот эпизод напомнил мне рассказанный отцом случай, как он чуть не поплатился жизнью за то, что угостил немецких детей шоколадом.

«Взяли с боем город Вайсвассер, – рассказывал отец, – в котором были склады питания Люфтваффе. Набил вещмешок шоколадом. Идем по городу, вижу, немецкие дети голодными глазами глядят. Развязал вещмешок, даю им шоколад. Рядом проходила пехотная разведка в маскхалатах. Подлетают ко мне, кроют матом, мол, ты что, сука, немецких тварей кормишь? Да ты, гад, "бандеровец", тебя "шлепнуть" надо!.. "Бандеровцами" у нас называли солдат, призванных с Западной Украины и не пользовавшихся доверием. Сгребли меня разведчики за шкуру и к стенке! Хорошо подбежали солдаты нашего дивизиона, и один из них, Каменский, начал орать – "Вы что, пехота, охренели?! Какой он бандеровец, вы на нос его посмотрите!"».

«Вот она, проклятая Германия!» – эти и подобные слова писали солдаты Красной армии после перехода границы на немецких дорожных знаках и самодельных щитах. Жажда мести врагу в его собственном логове, лозунг «Убей немца!» в сопровождении клятв отомстить захватчикам – все это было доминирующим настроением в войсках.

Провал «Плана А»

Тем временем Ковнер и его товарищи решили действовать по-другому, отлично от их прежних актов мщения совместно с Еврейской бригадой. Последняя оказалась вдали от Германии, а меньше года спустя и вовсе была расформирована. Справедливости ради надо сказать, что боевой опыт бригады пригодился при формировании Армии обороны Израиля, куда ее члены вошли практически в полном составе, но к планам «Нокмимов» это уже отношения не имело.

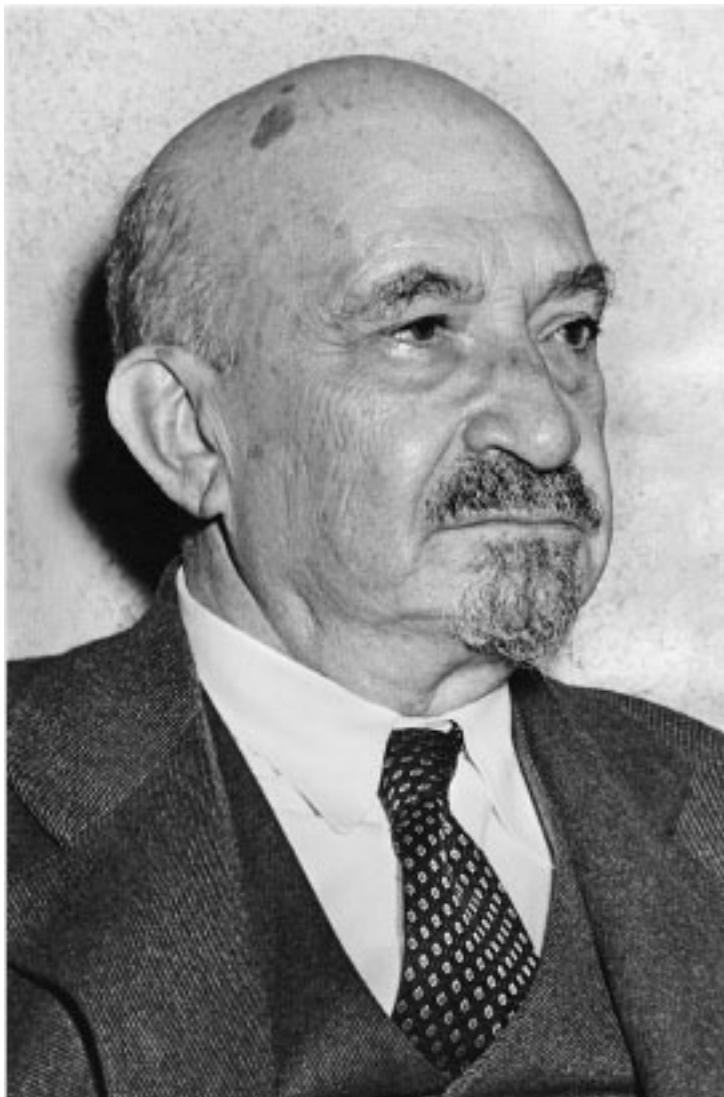
Ковнер не стал отказываться от своей главной идеи – отравления воды в крупных немецких городах. Для этого следовало сформировать несколько групп мстителей, готовых проникнуть на городские водопроводные сооружения в Германию, найти подходящие химикаты и отравить запасы воды, причем все это в один и тот же день.

Ковнер помнил реакцию на его план в Еврейской бригаде, и потому решил получить предварительное одобрение лидеров ишува, а для этого надо было добраться до Палестины. Там же он рассчитывал достать яд в необходимом количестве.

Как уже говорилось, попасть туда было непросто. В августе 1945 года Абу Ковнера, постриженного и переодетого в форму солдата Еврейской бригады, друзья посадили на судно, на котором отправляли в Палестину отпускников из числа британских военнослужащих. Насчет стрижки – важная деталь. На всех фото у него пышная шевелюра, в том числе на том, что сделано летом 1945 года, где он в черной гимнастерке, перетянутой ремнями, с расстегнутым воротом, в широких галифе и в сапогах, с пистолетом в руке.

О четырехмесячном пребывании Абы в Эрец-Исраэль известно немного. В одном из его рассказов есть о том, как на второй день по приезде он «слонялся по чужим улицам Тель-Авива» и увидел «улицу, до краев наполненную евреями, живыми евреями». Это оказался рынок Кармель, где на одном из развалов он потянулся к груде набросанной как попало одежды и вдруг заметил цифры на оголившейся до локтя руке женщины, перебиравшей вещи.

С кем из лидеров ишува встречался Ковнер, тоже неизвестно, за одним исключением. Аба позже признался, что его принял Хаим Вейцман, тогдашний президент Всемирной сионистской организации и будущий первый президент Государства Израиль. Ему принадлежала важная роль в создании Еврейской бригады. С планом А – отравление водопровода в крупных городах Германии – он не согласился.

Хаим Вейцман

На этот случай у Ковнера был заготовлен план Б, для реализации которого тоже был необходим яд. Согласно этому плану, замышлялось отравление эсэсовцев, содержащихся в лагерях для военнопленных. Против этого плана возражений не было. «Будь я моложе, возможно, сделал бы это сам», – сказал ему Вейцман, после чего направил к своему коллеге-химику профессору Эрнсту Бергману в основанный им Институт Вейцмана в Реховоте. Вейцман с 1932 года занимал должность его директора, туда были приняты многие из эмигрировавших из Германии еврейских ученых. Доныне он является крупнейшим научным центром, своеобразным признанием чего явился ракетный удар Ирана в июне 2025 года, в результате которого было разрушено здание отделения по исследованию рака.

Эрнст Бергман, в свою очередь, попросил о помощи братьев профессоров Арона и Эфраима Качельски (Кацир), второй из которых в дальнейшем станет четвертым президентом Государства Израиль. Ковнер рассказал им о плане мести ветеранам СС, содержащимся в лагере для военнопленных, и два месяца спустя получил от них некоторое количество яда в банках из-под сгущенного молока. Между тем от «Плана А» никто отказываться не собирался, что, по-видимому, не прошло мимо внимания окружающих.

В отправке обратно в Европу Ковнеру помогла еврейская военная организация Хагана («Оборона»), снабдив фальшивыми солдатскими документами. Ковнер до конца жизни повто-

рял, что командование Хаганы предупредило англичан о его грузе, посчитав, что Ковнер вернется к «Плану А», а это было бы чревато опасностью для всего еврейского народа.

Мог ли кто-то из лидеров Хаганы так поступить? Нахум Шадми, представитель Хаганы в Европе, хотя и помогал «охотникам за нацистами», тем не менее полагал, что из-за актов мести мир мог потерять симпатию к выжившим и перестать поддерживать справедливые требования еврейского народа. Логика его рассуждений строилась на том, что мир видел в евреях потерпевшую сторону, и, поведи они себя иначе, стал бы относиться к ним как к преступникам. Или ты жертва, или агрессор – иного не дано в массовом сознании, к тому же помноженном на антисемитизм. Последний – то дремлет, то просыпается, но никуда не исчезает. Бывалый человек, родившийся еще в XIX веке и до отъезда в Палестину успевший послужить в царской армии и поучаствовать в создании еврейской самообороны в Одессе, Шадми знал жизнь получше юных «Нокмимов».

Одна из причин, по которой «мировое сообщество» приняло и поддержало образование еврейского государства – его, «мирового сообщества», раскаяние за непредотвращение Катастрофы. И эта причина, это раскаяние, вполне могли бы исчезнуть. Правоту Шадми подтвердили события последних лет, последовавшие за 7 октября 2023 года. Вместо сочувствия к жертвам резни мир поддержал если не детоубийц, то их соплеменников, не скрывавших свою поддержку террористам.

Трудно представить, как могла повернуться история, если бы план Ковнера был осуществлен. Неизвестно, поддержало ли бы тогда мировое сообщество образование еврейского государства.

14 декабря 1945 года в порту Александрии Ковнер поднялся на борт корабля «Шампольон», на котором в Европу возвращались из отпуска около пяти тысяч британских солдат. Для сопровождения ценного груза ему в помощь было выделено трое таких же мнимых солдат. По всей видимости, их слабый английский и нерешительность в выполнении приказов еще в александрийском порту вызвали подозрение у британских военных чиновников. Во всяком случае, приказ об их задержании был передан из Александрии береговым властям в Тулоне, а оттуда – на корабль, и перед самым французским берегом все четверо были взяты под арест прибывшими на катере военными полицейскими. Ковнер не мог допустить обнаружения яда, да еще в таком количестве, и как только из громкоговорителя прозвучали их вымышленные имена, немедленно выбросил банки в море.

Из Тулона Ковнера и его товарищей отправили обратно в Египет. На допросах в военной тюрьме в Каире Ковнер придерживался легенды: он подделал военные документы и надел форму, чтобы отправиться в Европу для поиска оставшихся в живых родственников. В конце февраля 1946 года его и остальных перевели в тюрьму Русского подворья в Иерусалиме, откуда в марте освободили.

В 1970 году, после вручения Ковнеру Государственной премии Израиля, его друзья остались в правительственном здании отметить награду. Не успели они поднять рюмки, как вошла Голда Меир, в ходе разговора с которой выяснилось, что это ей удалось добиться у британцев перевода Ковнера из Каира в Иерусалим, а потом и освобождения из тюрьмы.

... В то время как Ковнер путешествовал в Палестину и обратно, его соратники-мстители прибыли в Германию. Германия после капитуляции представляла собой печальное зрелище – десятки миллионов остались без крова, к ним прибавилось еще полтора десятка миллионов немцев, депортированных из Чехословакии и Польши. Когда в рамках программы денацификации в городах Западной Германии появились плакаты «Ты виноват!», откуда на смотрящего указывал палец на фоне фотографии Бухенвальда, немцы восприняли их как еще одно унижение. Они считали, что уже и без того наказаны: в 1945 году 45 процентов всего жилья было разрушено, люди жили в развалинах, под мостами, в подземных коммуникациях, в разы выросла преступность.

«Двадцатилетние ошиваются у вокзалов в немецких городках до самой темноты, хотя поездов они не ждут, как и многого другого, – свидетельствует шведский писатель Стиг Дагерман в своей книге путевых очерков о Германии 1945 года “Немецкая осень. Потерянное поколение”. – Там можно столкнуться с отчаянными попытками ограблений, совершаемыми нервными юношами, которые упрямо встряхивают челками, когда их ловит полиция, увидеть, как пьяные девочки вешаются на шею солдатам-союзникам или полулежат на диванах в залах ожидания в обнимку с пьяными неграми... Это поколение людей, покоривших весь мир в восемнадцать лет и потерявших все к двадцати двум».

Мстителям и самим приходилось нелегко. Они тоже к двадцати двум годам потеряли все, и к тому же вместо осуществления мечты – переселения в Эрец-Исраэль – впроголодь жили в ненавидимой ими стране под вымышленными именами, ежедневно рискуя и все силы тратя на подготовку возмездия. Одной из сцен возмездия должен был стать Нюрнберг, который Гитлер хотел сделать «городом – храмом нацистского движения». Здесь в 1935 году принимались расистские законы, здесь с 1927 по 1938 год проводились пышные съезды нацистской партии.

Инженеру из Кракова Вилеку Шверцрейху удалось устроиться на нюрнбергскую водочистную станцию. «Мы называли его “водяной человек”, – пишет Хармац. – Родители Вилека были убиты немцами, как и его брат, невестка и их ребенок. Вилек много месяцев проработал на водочистной станции, изучая, как все функционирует, все стратегические точки. Мы изучили все калибры различных труб, все соединения, узнали, как именно их можно отрезать. Вилек добыл схемы водоснабжения и узнал, как отключить от водопровода кварталы, где проживали американские военнослужащие, – должны были пострадать только немцы. Все было готово для операции, не хватало только яда». О том, что яд был сброшен в море, заговорщикам стало известно в январе 1946 года.

Вдова Вилека Лия рассказала Дине Порат, что, узнав от Хармаца об отмене операции, он потерял сознание и некоторое время не мог прийти в себя – его мир был разрушен.

После освобождения из тюрьмы Ковнер вызвал членов «Накам» в Палестину на совещание, где в качестве причины отмены «Плана А» назвал вернувшихся в города Германии евреев, которые тоже могли бы стать его жертвами. Присутствующие, тем не менее, восприняли принятое решение с глубоким разочарованием, кто-то даже обвинил его в предательстве. План Б, понятно, не мог стать адекватной заменой «Плану А» с его библейскими масштабами.

Витка Кемпнер полагала, что даже если бы Аба остался в Европе, ничего бы не случилось. И не оттого, говорила она, что ему кто-то бы помешал, а оттого, что *temporis mutantis*, мол, Ковнер изменился вместе со стремительно менявшимся временем.

Примерно в то же время Пашу Райхмана (Авидова) принял Бен-Гурион, в недалеком будущем ставший первым израильским премьером. Выслушав его о намерениях «Нокмимов», он заметил (они говорили на идише): «В истории месть – очень важная вещь». А потом неожиданно задал риторический вопрос: «Вернет ли убийство шести миллионов немцев шесть миллионов евреев?»

К тому времени пошли разговоры о том, что лучшая месть Гитлеру и его последователям – это возрождение народа через создание еврейского государства на Земле Израиля.

Нюрнберг

Те семеро «Нокмимов», кто поселились в Нюрнберге, чуть ли не каждый день проходили мимо здания, где с ноября 1945 года проходил процесс над главными нацистскими преступниками. Нестерпимой для них была мысль о том, что на нем истребление еврейского народа не рассматривалось как отдельное злодеяние. Конкретные преступления против евреев на процессе упоминались – Бабий Яр и злодеяния айнзацгрупп, Варшавское гетто и Аушвиц-Биркенау, но лишь как «преступления против человечности» вместе с принудительными работами и депортациями, как бы в тени главных пунктов обвинения – «преступлений против мира» и «военных преступлений». Геноцид как юридическая категория в Нюрнберге фигурировал, но составом преступления геноцид стал позже, в декабре 1948 года, после утверждения Генассамблеей ООН «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него».

Импульсом к рождению термина «геноцид» его автору – польскому еврею юристу Рафаэлю Лемкину послужили массовые убийства армян в 1915 году. И ответная на них реакция – 15 марта 1921 года студент Согомон Тейлерян убил в Берлине Мехмеда Талаат-пашу – одного из лидеров младотурок, ответственных за резню армян.

25 мая 1926 года в Париже произошел теракт, аналогичный берлинскому: в отмщение за жертв петлюровских погромов часовщик Самуил Шварцбарт выследил и застрелил Симона Петлюру.

Есть свидетельства, что нюрнбергские «Нокмимы» обдумывали план заложить бомбу замедленного действия в зале суда или ворваться туда с оружием и расстрелять всех обвиняемых – с тем, чтобы последующий суд над ними позволил открыть всему миру правду о Холокосте. План был отвергнут как нереальный. Назначенный руководителем нюрнбергской группы Хармац в своих мемуарах этого не признает: «Мы наблюдали за происходящим и были обеспокоены медленным ходом процедуры... Весь этот процесс нас чрезвычайно расстроил, и поэтому мы решили найти способ попасть в зал суда – хотя бы для того, чтобы выразить публичный протест».

Между прочим, Авраам Суцкевер, вызванный в Нюрнберг для дачи показаний о трагедии Вильнюсского гетто, признался Эренбургу, что намеревался пронести в зал суда пистолет и застрелить Геринга. Эренбург убедил его отказаться от этого плана. «Вы же этим ничего не добились бы, – сказал он. – Потому что русские не поверят, что вы это сделали по собственной воле, они будут считать, что вас послали американцы. И американцы вам не поверят, и будут считать, что вас послали русские».

Ситуация стремительно менялась – союзники все дальше отходили друг от друга, наступавшая холодная война заботила их больше, нежели наказание виновных в преступлениях войны минувшей.

Кельн – щебня гряда,
В Гамбурге худо,
А Дрезден – скопище дыр.
Но вдруг Америка
Русским не поверит, а?
И вдруг между собой еще
Они начнут побоище...

(Бертольд Брехт)

Политический ландшафт в Германии с началом холодной войны изменился, в обмен на политическую и военную поддержку против Советского Союза западные союзники постепенно сводили на нет преследование нацистских преступников.

Несколько цифр, взятых мною из книги Леви Гюнтера «Преступники. Мир убийц времен Холокоста». Численность персонала концлагерей достигала 40 тысяч, примерно столько же служили в айнзацгруппах и помогавших им полицейских батальонах и соединениях Ваффен-СС. Вместе с солдатами вермахта – участниками «акций», о количестве которых можно только догадываться, цифра убийц достигает, по меньшей мере, 100 тысяч, из числа которых за весь послевоенный период перед судом предстали примерно 13 тысяч. При этом ни один офицер вермахта не был признан виновным в преступлениях, совершенных против евреев. Даже с учетом того, что судебный процесс – долгая и недешевая процедура, особого желания судить злодеев никто не испытывал. Да и как они могли его испытывать, если в 1946 году около 80 % судей нацистской эпохи снова занимали свои должности.

Закон о денацификации в американской зоне был «в большей степени приспособлен для того, чтобы вернуть как можно большее число людей на занимаемые ими посты, нежели для того, чтобы наказать виновных», – признавался в интервью «Нью-Йорк Таймс» 6 ноября 1946 года глава военной администрации США в Германии генерал Люциус Клей.

«С помощью “Нокмимов” я хотел сказать миру, что те, кто выжил в Освенциме, могут мир уничтожить, – сказал однажды Ковнер. – Пусть знают, если это когда-нибудь повторится, мир будет разрушен». В каком-то смысле он следовал за словами, сказанными ненавистником евреев Мартином Лютером в проповеди в мае 1535 года: «Да свершится то, что справедливо, и пусть мир погибнет». Таким образом тот перефразировал известный со времен Древнего Рима тезис: «Пусть погибнет мир, но торжествует юстиция» (*Fiat iustitia, et pereat mundus*).

Юстиция означает справедливость. Но если юстиция, правовая система не способна ее обеспечить, стало быть, можно попытаться добиться ее иным способом – так, по всей вероятности, рассуждали «Нокмимы».

«План Б»

Яд для отравления пленных эсэсовцев был добыт в Париже Ицхаком Ратнером, химиком из Вильнюса, привлеченным к плану по рекомендации Ковнера. Ратнер через своих виленских знакомых наладил контакт с владельцем кожевенного завода, участником французского подполья. Тот дал Ратнеру сорок пять фунтов мышьяка, используемого для дубления кож. По словам Хармаца, для проверки его действия Ратнер накормил мышьяком кошку, которая немедленно умерла.

«“Вещество” было доставлено мне в Нюрнберг за несколько дней до 13 апреля, – пишет Хармац, – человеком в униформе, под которой были закреплены резиновые грелки. Он был высоким и сильным, но по прибытии рухнул под тяжестью груза, который нес».

Для осуществления были выбраны два лагеря, где содержались пленные эсэсовцы – под Нюрнбергом и Дахау. Им решили подсунуть отравленный хлеб.

Дина Порат пишет, что месть в виде испорченного хлеба – «бродячий сюжет» в еврейской литературе. Мне известен рассказ Исаака Башевиса Зингера «Гимпл-дурень», написанный в 1945 году. Правда, от самой мести там герой в последний момент отказался и отравленный хлеб закопал во дворе, посчитав, что поддался дьявольскому наущению.

Члену ФПО Арье Дистелю было поручено устроиться на работу в крупнейшую пекарню Нюрнберга, которая обеспечивала хлебом немецких военнопленных – солдат и офицеров Ваффен-СС. Войска СС находились под личным командованием Генриха Гиммлера и принимали участие не только в военных действиях, но и в акциях айнзацгрупп, осуществлявших геноцид. Лагерь американцы расположили на территории шталага XIII Нюрнберг-Лангвассер, где во время войны содержалось до 30 тысяч узников, многие из которых погибли из-за недоедания, болезней и непосильного труда.

Лагерь Лангвассер

Дистель получил эту работу, признавшись работодателю, что он еврей, переживший лагеря, и собирается эмигрировать в Канаду, где его дядя владеет пекарней, а в ожидании визы готов поработать бесплатно, дабы научиться этому ремеслу, чтобы продолжить семейную традицию.

Работая с немцами, Дистель был поражен тем, что, по их словам, им не было ничего известно о происходившем с евреями, а были и те, кто высказывал сомнения по этому поводу. О подобном есть и другие свидетельства. Большинство немцев, на глазах которых куда-то увозили соседей-евреев, после войны уверяли, что не знали о Холокосте. Не только отрицали свою причастность к злу, но и уверяли друг друга, что ни о чем таком и не подозревали до того, как им открыли глаза союзные оккупационные власти. На самом деле знали, конечно, но по понятным причинам помалкивали.

«Теперь никому уже не удастся определить точно, сколько человек в нацистском аппарате не могли не знать о чудовищных злодеяниях, которые тогда совершались; сколько что-то знали, но делали вид, что не знают; сколько еще имели возможность знать все, но сочли, что благоразумнее закрывать глаза и уши (а главное – не раскрывать рта)», – писал Примо Леви.

«От хорошо информированного человека я слышал, что всех евреев свозят в Польшу, где их убивают эсэсовцы», – 16 сентября 1942 года записывает в свой тайный дневник юрист из города Лаубаха Фридрих Кельнер. И добавляет: «Немецкому народу надо бы уже сегодня трепетать от страха, предчувствуя неизбежность отмщения».

Стало быть, не просто знали, а боялись возмездия. Особенно после окончания войны. В ноябре 1945 года по Германии ходили панические слухи о том, что в годовщину Хрустальной ночи евреи готовят организованное нападение на немецкие дома. «Немцы... боялись, что выжившие в лагерях и партизаны-подпольщики вернутся в качестве мстителей и заставят их заплатить за причиненные ими мучения», – писал Эли Визель, узник Аушвица и Бухенвальда, в будущем нобелевский лауреат. Об этом же свидетельствуют и евреи – офицеры американской армии США по их воспоминаниям, немцы ожидали, что оставшаяся часть еврейского народа совершит ужасную месть.

Дистель в течение нескольких дней проносил под плащом грелки с ядом в пекарню, где, аккуратно вскрыв деревянный настил, прятал их под половицами. 13 апреля 1946 года, в субботу, туда проникли двое его сообщников и спрятались в подпол. Ночью, когда остальные работники покинули пекарню, они вышли из укрытия, перелили содержимое грелок в два больших ведра и начали кистью обмазывать буханки мышьем. Дистель знал, что для военнопленных предназначался черный хлеб, в отличие от белого – для американского персонала. «Когда мы закончили первую тысячу, мы обнялись и поцеловали друг друга». Светила луна, благодаря чему им удалось нанести яд на три тысячи буханок. Буханки были сложены в мешки и расставлены на полу у окна и на подоконнике.

Шум привлек внимание сторожа. Арье спрятался в подпол, а двое других выпрыгнули в окно, предварительно разбросав буханки по полу. Прибывшая полиция, увидев разбросанный хлеб и разбитое окно, пришла к выводу, что воры безуспешно пытались украсть белый хлеб. Это услышал Дистель из своего укрытия, а после рассказал Хармацу, ждавшему его в машине неподалеку.

В понедельник 15 апреля хлеб (больше двух тысяч буханок) отправили в лагерь для военнопленных Лангвассер. Чтобы узнать результаты операции, в тот же день Хармац отправил в пекарню Рахель Гальперин-Гликсман. Она не смогла войти, хлеба в продаже не было, люди говорили, что-то случилось, хлеб «не годился».

«Мы знаем, что некоторые из них (военнопленных эсэсовцев. – Л. С.) погибли», – пишет Хармац. На самом деле это не могло быть им известно, никто точно не знал, что случилось. В «Нью-Йорк Таймс» 20 апреля 1946 года со ссылкой на Associated Press сообщалось, что в начале этой недели 1900 немецких военнопленных были отравлены мышьем, содержащимся в их хлебе в американском лагере, и все они «серьезно больны». В немецких газетах тоже писали об отравлении, но не о его последствиях. Ни в одной публикации не упоминалось, что отравители были евреями.

Слухи ходили разные. По одним из них, машины скорой помощи отвезли пострадавших в больницу для промывания желудка, и все выжили, по другим – часть из отравленных все же скончалась, но оккупационная администрация, заинтересованная в затушевывании инцидента, скрыла истинную информацию. Называли цифры от нескольких сотен до тысячи погибших. Официального заявления о завершении американского расследования опубликовано не было, никто не был привлечен к ответственности.

В 1999 году прокуратура Нюрнберга начала расследование случившегося в нюрнбергской пекарне. С чего вдруг? Прошло 12 лет после смерти Абы, который препятствовал разговорам на эту тему, и у нескольких членов его группы развязались языки. В Германии всполошились и решили привлечь отравителей к ответу. Одна из правых газет объявила о поиске свидетелей, которые могли бы доказать факт «попытки массового убийства интернированных».

В ответ пришло и было опубликовано свидетельство 76-летнего Франца-Йозефа Шерцера из Кадольцбурга: «После еды многих людей рвало, у многих болел желудок, у некоторых понос длился восемь – десять дней. Некоторые также на какое-то время ослепли. Но, насколько я знаю, никто не умер. Армейский врач объяснил нам симптомы и показал, как распознать яд, – когда хлеб сушился, его поверхность приобретала голубоватый оттенок. Официального объяснения не было дано; ходили слухи, что это были евреи».

«Я до сих пор помню день нападения ясно, потому что в тот день была большая порция хлеба, – писал другой бывший военнопленный, не пожелавший открыть имя. – Через несколько часов у нас опухли губы и закружилась голова. Никто не умер, но многих вырвало. Некоторые товарищи на короткое время ослепли. На следующее утро мы без объяснения причин получили тот паек, который получали и американцы – с белым хлебом. Я больше не держу зла на преступников, я могу понять их реакцию: они хотели отомстить за свои убитые семьи».

В ходе нового расследования были подняты полицейские материалы 1946 года. Согласно одному из протоколов в пекарне было обнаружено ведро, частично наполненное белой пастой, состоявшей из оксида мышьяка, смешанного с клеем и водой, три пустые грелки и четыре полные в холщовом мешке. Эксперт-химик, вызванный для помощи в расследовании, определил «наличие 10 килограммов чистого мышьяка, смешанного с водой и клеем». Этого количества хватило бы для того, чтобы убить 60 тысяч человек.

Следы мышьяка были обнаружены также на хлебных батонах. Наибольшее количество мышьяка, обнаруженного в буханке, составляло 0,2 грамма, что находится в пределах 0,1–0,3 грамма, которые «в большинстве случаев приводят к летальному исходу», однако, по словам врачей, у эсэсовцев проявились лишь симптомы, схожие с холерой и включавшие рвоту, диарею и кожную сыпь. Почему же яд в смертельной концентрации не смог убить нацистов?

По-видимому, мстители в спешке нанесли мышьяк слишком тонким слоем, или же еще до того он осел на дно грелок и находился в неправильном соотношении с клеем. А может, нацистские узники сразу почувствовали, что с хлебом что-то не так, и поэтому никто не съел его столько, чтобы умереть.

Прокуроры в конце концов пришли к выводу, что, несмотря на доказанность покушения на убийство, они не станут выдвигать обвинения из-за «чрезвычайных обстоятельств». Возможно, это случилось под давлением общественного мнения. В самом деле, получилось бы, что евреи, чьи семьи были уничтожены, преданы суду потомками их убийц. Так или иначе, расследование было прекращено.

Остается упомянуть, что место, где лагерь располагался, – весьма символическое. На этой территории проходили съезды нацистской партии. Бараки стояли на месте палаточных городков, где во время съездов размещались прибывшие из разных мест Германии участники и зрители торжеств. Они вмещали две сотни тысяч человек. Рядом кладбище, находившееся под опекой православной общины, поскольку большинство похороненных – советские военнопленные. В начале 50-х годов здесь построили несколько жилых домов. Кладбища давно нет, а дома сохранились. Когда я лет десять назад посетил это место, в них расселили беженцев из Сирии. Стоят те дома окнами в пустое, незастроенное поле Цеппелин, где снято немало эпизодов из «Триумфа воли». Сохранилась огромная, длиной свыше трехсот метров трибуна Цеппелина – спроектированная Альбертом Шпеером главная трибуна рейха, прообразом которой послужил Пергамский алтарь. Можно постоять на балконе, откуда выступал Гитлер.

Раз уж зашла речь о местах, связанных с еврейским возмездием за Холокост, упомяну еще одну географическую точку – район Тель-Авива Сарона, большую часть которой занимают правительственные учреждения. А до того здесь жили немецкие христиане-темплеры (не путать с тамплиерами), в свое время пришедшие на Святую землю из Германии дожидаться второго пришествия. В начале войны правительство Британского мандата, управлявшее Палестиной, депортировало их из-за симпатий к нацизму. Многие из них пошли в вермахт и

участвовали в преследовании и уничтожении евреев, а по окончании войны как ни в чем не бывало вернулись обратно. Готтхилф Вагнер, богатый промышленник, руководивший «Храмовым обществом», хвастался, что побывал в Аушвице, и при нем охранники вывели большую группу молодых евреев и облили их горючей смесью, а он сказал, что такая же судьба ждет их братьев в Палестине. 22 марта 1946 года он был застрелен членами «специального подразделения» «Хаганы». Вскоре после этого были убиты двое темплеров в Галилее и еще двое – в Хайфе. «Это возымело немедленное действие, – вспоминал входивший в это подразделение Рафи Эйтан, в будущем крупный израильский разведчик, похититель Эйхмана. – Темплеры спешно покинули Палестину, побросав имущество, и никогда больше здесь не появлялись». Вмешивались командиры, вмешивались англичане...

... Изначально мстители собирались скоординировать отравление в Нюрнберге с еще одним, в другом лагере для военнопленных – Дахау. Яд в соседний Мюнхен доставили, «Нок-мимам» удалось подружиться с поляками, отвечавшими за местную пекарню. Симха (Казик) Ротем, один из героев восстания в Варшавском гетто, сумел подпоить хозяина пекарни, украсть у него ключи, сделать дубликат и вернуть их, пока тот не протрезвел. Но внезапно прибыл гонец из Нюрнберга с сообщением, что операция отменяется – из-за опасений, что план стал известен американцам.

Что, если бы их планы реализовались? «Было бы это мстостью или справедливостью? – этим вопросом задавался Хармац. – Мсть относится к прошлому, справедливость – к будущему». Но какая же справедливость, если жертвы не чувствуют себя отмщенными?

Другая жизнь

После освобождения из британской тюрьмы в Иерусалиме в жизни Абы начался относительно спокойный период. Продолжался он недолго. За два дня до того, как армии пяти арабских государств вторглись в Израиль, 13 мая 1948 года у них с Виткой Кемпнер родился сын Михаил, названный в честь погибшего в партизанах младшего брата Абы. А неделю спустя, 22 мая, молодой отец пришел служить в бригаду «Гивати» офицером по связям с общественностью.

Свое название бригада получила по подпольной кличке ее командира Шимона Авидана, уже упоминавшегося на этих страницах представителя «Хаганы» в Европе, на время прикнувшего к «Нокмимам». С началом вторжения бригада была переброшена на юг – с тем, чтобы остановить продвижение египетских войск к Тель-Авиву, и это ей удалось. 26 мая 1948 года «Хагана» была преобразована в регулярную Армию обороны Израиля, и «Гивати» стала в ней самой крупной бригадой – она насчитывала 9500 солдат, в том числе 20 % женщин. В боях 700 бойцов было убито, около 2 тысяч ранено.

Ковнер приступил к своим обязанностям в трудный час, после нескольких поражений в секторе Газа, накануне боя за Ашдод, находившийся на полпути к Тель-Авиву, куда рвались танки египтян. Для поднятия боевого духа он выступал перед солдатами, как говорили, «в роли советского политрука». С рассказами о том, как партизаны в 1944 году подбивали танки вермахта, объясняя слабые места в их конструкции. Стал издавать ежедневный боевой листок под вполне советским заголовком «Смерть захватчикам!». В одном из выпусков, призывавшем к мести, говорилось: «Души шести миллионов погибших призывают к нам – должно произойти великое возмездие, Израиль будет свободен навеки!»

Ему принадлежит название одной из разведрот бригады, воевавшей на джипах, оснащенных двумя пулеметами – «Лисы Самсона». Ковнер дал его в честь библейского героя Самсона, сражавшегося с филистимлянами. Однажды он поймал 300 лисиц, привязал к их хвостам горящие факелы и пустил лисиц на филистимлянские поля.

И, наконец, он придумал провести первый в стране военный парад, состоявшийся 13 сентября 1948 года в Реховоте, – с военным оркестром, флагами и выставленным трофейным оружием. Бен-Гурион и командиры ЦАХАЛа стояли на выстроенной наскоро трибуне, а Ковнер в огромном шлеме с мегафоном в руке, с гордостью представляя различные подразделения бригады, – на ящике.

Примерно в эти же дни Голда Меир, прибывшая в Москву в качестве посла Израиля, решила пойти в московскую синагогу на праздник Рош ха-Шана – еврейский Новый год. «Перед праздником, однако, в “Правде” появилась большая статья Ильи Эренбурга, – пишет она в своих мемуарах, – где говорилось, что... Государство Израиль не имеет никакого отношения к евреям Советского Союза... Эту статью прочла не только я, но и все евреи Москвы. И так же, как я, поскольку они привыкли читать между строк, они поняли, что их предупреждают: от нас надо держаться подальше». И, тем не менее, «... улица перед синагогой была неузнаваема. Она была забита народом. Они пришли – добрые, храбрые евреи – пришли, чтобы быть с нами, пришли продемонстрировать свое чувство принадлежности и отпраздновать создание государства Израиль».

Ковнер и бойцы бригады «Гивати», май 1948 года

... Через 75 лет после описываемых событий бригада «Гивати» вновь пришла, и вновь не по своей воле, в сектор Газа, где в ходе боев, начиная с 7 октября 2023 года, потеряла 86 бойцов и командиров.

Ковнер с неодобрением встретил установление в 1951 году дипломатических отношений между Израилем и Германией. До того атмосфера по отношению к Германии была иной: нельзя было использовать язык, немецкие продукты в страну не импортировались. Все началось с неофициальной встречи Давида Бен-Гуриона с канцлером Германии Конрадом Аденауэром в Париже 19 апреля 1951 года, где впервые был затеян разговор о репарациях. Предложенные Германией репарации давали возможность произвести значительные капиталовложения в израильскую экономику, находившуюся в плачевном состоянии.

«Преступления нацистов столь чудовищны, что их не искупить никакой материальной компенсацией, – говорил Бен-Гурион. – Однако невозможно примириться и с тем, что наследники нацистских убийц в Западной и Восточной Германии унаследуют и имущество убитых евреев». Еще одним аргументом Бен-Гуриона в пользу переговоров о выплате компенсаций было то, что этот процесс должен укрепить статус Государства Израиль как единственного законного представителя и наследника жертв Катастрофы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.